

НИС TUTA PERENNAT

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

№ 15 (3346)

Октябрь, 29, 1993

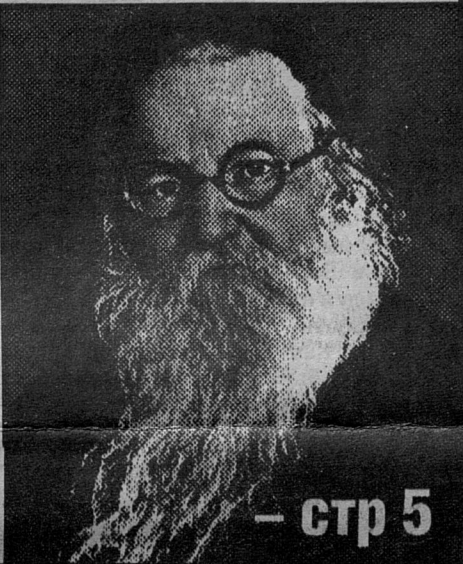
Цена свободная

**Государственный секретарь
ФРГ доктор Андреас Майер –
Ландрут выступил на очередном
заседании Центра по изучению
российских реформ СПбУ**
– стр.2

**Студенты датской
народной школы –
гости кафедры
журналистского
мастерства**
– стр.3

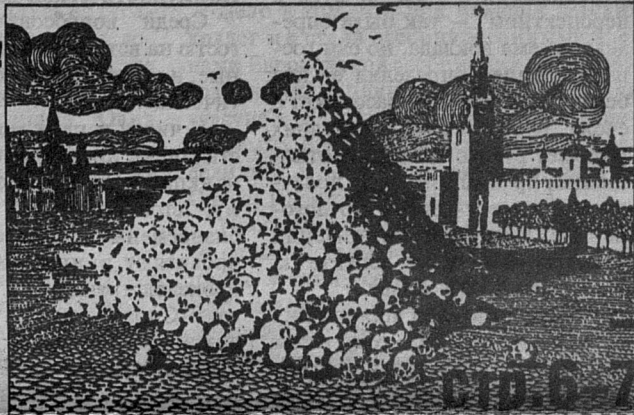
**Наука и
нравственность,
или
"Небесная"
физиология**
(об академике Алексее
Алексеевиче Ухтомском)

– стр.5

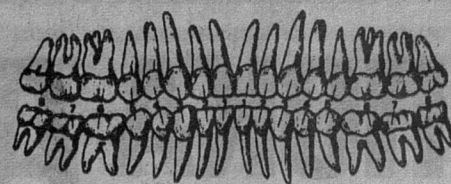
"Довольно крови,
довольно слез и горя!
Довольно погромов,
пожара и грабежа!
Неужели этот ужас,
этот мучительный
кровавый кошмар,
это беспримерное
безумие могут еще
длиться?"

журнал "Отбой!",
февраль, 1906.
Исторические зарисовки

– стр.6

**Бедные студенты
приходят лечить зубы,
забывая при этом
перекусить.**

**Обычная история.
Примерно два голодных обморока в неделю.**

Репортаж из университетской поликлиники

– стр.8

В рамках реализации государственной научно-исследовательской программы "Народы России: возрождение и развитие" Санкт-Петербургский университет и Центр гуманитарных исследований и социальных прогнозов 15-16 декабря проводят Всероссийский ежегодный научный итоговый семинар по программе.

Участие университета, связанное с разработкой закона о государственной тайне, финансировалось в рамках этой программы. Не случайно, что первая публикация постатейного комментария к принятому закону вышла в нашем городе. За эту работу Центр гуманитарных исследований и социальных прогнозов Санкт-Петербургского университета получил благодарность от Государственного комитета по образованию России, который выделил финансирование для издания дополнительного тиража и обеспечения вузов России постатейным комментарием к закону.

**Закон "О государственной тайне"
комментирует М.А.Вус**
– стр.8

**Все, к чему
прикасались
Фаберже,
становилось
произведением
искусства.**

**Рассказ
о великом
мастере**

– стр.10

**Телевизионный клуб
"КТО? ГДЕ? КОГДА?"
в гостях у газеты
Санкт-Петербургский
университет"**
– стр.12

749

ПУТЬ К СЕРДЦУ ЕВРОПЫ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ГЕРМАНИЮ

Центр по изучению российских реформ при СПбУ провел очередное заседание. На этот раз гостем университетов был "старый друг нашей страны, в сердце которого Россия занимает не последнее место" (именно такими словами он был представлен участникам встречи), ученый, профессор, историк, бывший посол ФРГ в Москве, шеф Ведомства Федерального Президента, Государственный секретарь, доктор господин Андреас МАЙЕР-ЛАНДРУТ.

"Германия и Россия: пути и перспективы" — так была определена тема доклада, но сам господин Майер определил ее как беседу, в которой он расскажет о своих впечатлениях последних пяти лет русско-немецких отношений, преамбулой чему послужила экспресс-лекция по истории международных отношений в русско-немецком аспекте за последние почти 40 лет.

Господин Майер поступил на службу в МИД в 1955 году, в том самом году, когда Аденауэр вел переговоры с Хрущевым и Булга-

ниным о находящихся в России 10 тысячах военнопленных. Память дипломата причудливо сохранила и факты, внесенные в анналы истории, и факты так называемой "профангешихте". Например, в пасхальные дни 1958 года в поезде Москва-Ленинград господин Майер-Ландрут, сотрудник посольства ФРГ в Москве, впервые по-русски говорил с посторонним человеком (в условиях замкнутой для посторонних России). Или еще: господин Майер присутствовал — за всю свою дипломатическую жизнь в России — на похоронах трех Генеральных секретарей Коммунистической партии.

Среди вопросов, заданных гостью на встрече, были и курьезные, и серьезные, и сугубо практические.

К числу первых можно отнести вопрос представителя одного из акционерных обществ: "Почему, "стоя на старте", немецкие бизнесмены, коммерсанты слабо проявляют инициативу научно-производственных контактов?" (Спрашивающий сослался при этом на более активную позицию предпринимателей из Скандинавских стран.) На это

господин Майер ответил немецкой поговоркой: "Капитал боязлив, как косуля. Звук! — и он бежать. А если серьезно, то главная основа для капиталовложений — стабилизация политических условий и юридическая база." Пока же только краткосрочные инвестиции могут оправдать риск сотрудничества в нашей экономике. (Господин Майер упомянул, что замороженные в российских банках валютные счета и до сих пор закрыты.)

Как курьезный был воспринят гостем и вопрос слушателя о том, можно ли выделить циклы политической жизни, если смотреть с точки зрения историка. "Я не хочу спекулировать на этом вопросе — для подобного анализа мои знания истории слишком недостаточны. Если же говорить о практических политических вопросах, то при любой складывающейся ситуации надо шаг за шагом идти вперед. Например, строительство Западной и Восточной Германии в 1948 году я не мог воспринимать как заключительное решение истории. Как бы вы себя чувствовали, если бы такая линия шла через сердце

России?" С 13 августа 1970 года обе немецкие державы стали членами ООН — и это можно было рассматривать как этап на пути будущего объединения.

К числу и важных, и практических вопросов можно отнести следующий: поддерживаются ли на государственном уровне крупные культурные проекты? Господин Майер ответил, что культурная активность Германии за границей концентрируется в отделе МИДа, так как в Германии нет центрального министерства культуры. У университетов для международных контактов средств немного, но университеты поддерживаются индустриальными фондами. С точки зрения господина Майера, государство должно быть лишь третьей стороной в такого рода контактах, эффективность которых очевидна при активности и фондов, и университетов, и государства.

В заключение господин Майер рассказал об организованном им немецко-русском обществе (куда входят в том числе немецкие банкиры и промышленники). Общество проводит встречи, семинары. Задача его — в прак-

тическом плане на уровне чуть ниже государственного — как общественной организации — помогать строить сеть отношений в различных сферах (как выразился господин Майер — "полях") деятельности. В планах создание Центра для обучения молодых людей экономике: теоретические курсы будут читать приглашенные из Германии специалисты, а практические занятия планируется проводить в Германии (оплачивать их будет организация, которая принимает на обучение наших специалистов). За две недели "стажеры" должны будут посмотреть, как работает парламент, государственные структуры, предприятия — просто ходить и смотреть, отметил господин Майер. Другая их задача — понять, каков вес маркетинга. Вторую неделю пребывания в Германии наши слушатели будут проходить практику на немецких предприятиях.

Подводя итог, господин Майер сказал: "Сегодня Россия нуждается в тесных контактах более с Европой, чем с Америкой. А путь к Европе для России лежит через Германию."

Л.Ф.

ПОКА ДЫШУ — НАДЕЮСЬ

Люди науки

Что все-таки дает человеку силы вынести все испытания и не сломаться? Безумная, несмотря ни на что, вера в будущее? Толстокожесть? Предначтения богов, прихотливо зашифрованные в астрологических шарадах? Приобретенная под ударами судьбы привычка?

Как бы то ни было, мне кажется, что главное здесь — жадность. Жадность к жизни. Жадность к цели. То, что не совсем точно величают "жизненной силой". И если эта жадность проросла в тебе к твоим 16-18 годам, даже самые тяжелые удары не сломают: опустятся руки, припогаснут глаза, но — переведешь дыхание, и вновь станешь собой. Несмотря ни на утраченные иллюзии, ни на горечь потерь и поражений.

Тамару Константиновну Горышину трудно сейчас назвать оптимисткой. Ее проблемы, как и у всех у нас, животрепещут, бюджет трещит по швам, жизнь в который раз раскололась на "до сейчас" и "сейчас", и частенько, что тоже не оригинально, посещают тяжелые мысли.

Но — всем бы нам такую жадность жизни...

...А первая трещина между вчера и сегодня поделила ее жизнь в блокаду. Тринадцатилетняя девочка перенесла самый тяжелый блокадный год "только потому (как говорит сейчас сама Тамара Константиновна), что была в детстве очень жирным ребенком". Организм съел до основания все жировые клетки, но она — выжила. Только навсегда остался блокадный призрак голода в душе. Но нет худа без добра: зато теперь, как она считает, жить проще, чем многим другим. С первыми переборами снабжения и скачками цен всплыли в памяти полученные тогда навыки выживания, умение растягивать и выгадывать по крохам запасы, расчетливо огородничать...

С открытием железнодорожного сообщения с Большой Землей отец, ставший начальником медицинской службы дороги, смог выписать семью из города. Девочка помогала разгружать прибывшие оттуда эшелоны с ранеными и больными, а часто бывало — уже мертвыми... Потом — эвакуация на Северный Кавказ, который вскоре захватили немцы.

Оказаться на оккупированной территории — клеймо в анкетах на всю жизнь. Годы спустя она предупреждала своего будущего мужа: "Не женись на мне, я ведь была в оккупации!" Не внял. Но что же за время было такое, когда и женитьба бывала актом гражданского мужества!

Школа в эвакуации. Половины учителей не хватает — какие могут быть знания! А она твердо решила вернуться в Ленинград (что само по себе было очень непросто), поступить в Университет... "Пришлось" окончить школу с золотой медалью, чтобы приняли без экзаменов.

Вот когда забила ключом данная ей жизнью энергия. Учиться отнюдь не с ленцой, не вылезать из Филармонии, петь в только начинающемся хоре Сандлера (нашлась в эвакуационной школе учительница пения, грамотно поставившая хороший природный голос), проводить лето в экспедициях — и все круто замешано на мощной волне уверенности в своем праве взять у жизни не меньше того, на что хватит жадности к жизни. А запасы этой жадности казались неисчерпаемыми. Ну вот, к примеру, много ли языков обыч-

но знает ученый-нефилолог? Тамара Константиновна прекрасно владеет тремя европейскими, еще несколько легко разбирает со словарем.

Аспирантура, докторантура, своя кафедра, своя школа — внешне благополучная, успешная полоса жизни. Без ложной скромности, в среде ботаников профессор Горышина — личность чуть ли не легендарная. Пожалуй, во всем бывшем СССР почти не найдется докторов-ботаников, к чьей докторской диссертации не приложила Тамара Константиновна своих знаний и опыта: в качестве руководителя, оппонента, консультанта... А выведенным ею в свет кандидатом наук, похоже, и счет потерян.

Тамара Константиновна теперь осваивает новую профессию... переводчика. И скоро, надо надеяться, мы увидим неизвестный ранее даже многим специалистам по романской филологии цикл средневековых романов о рыцарях Круглого Стола в переводе, сделанном Т.К. Горышиной. Работа, которую она проделала, отнюдь не поделка самовлюбленного дилетанта. ...Человек ли порождает свою "жизненную силу", или "жизненная сила" управляет человеком? Хотя — какая разница... Жизнь продолжается. Несмотря ни на что.

Dum spiro spero — утверждали римляне.

Пока дышу — надеюсь.

Игорь МАЛЬСКИЙ

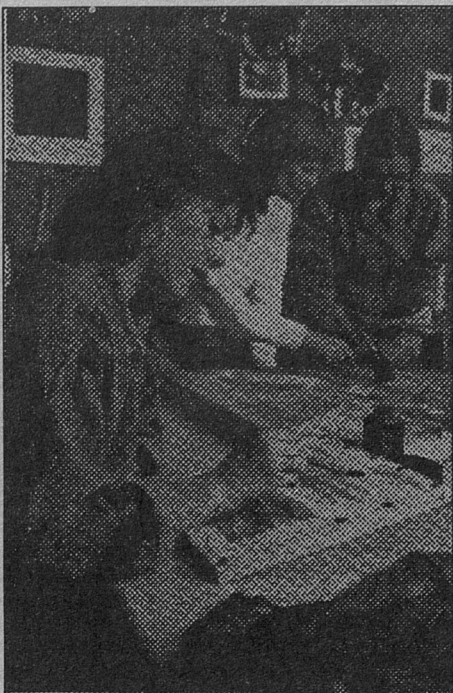

ГДЕ СОЗДАЕТСЯ ДАТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ?

Недавно на кафедре журналистского мастерства СПбУ принимали гостей из Дании. Студенты Odder Højskole (датской народной школы) рискнули отправиться в Петербург на экскурсию, невзирая на неспокойные времена.

То, что Odder Højskole очень необычная, мне стало ясно, когда я познакомилась с руководителем группы Кэрин Филсков. Кэрин 21 год, она закончила педагогическую школу, одновременно получив специальность модельера, а теперь преподает моделирование одежды своим сверстникам.

— Очень сложно объяснить, что представляет собой наша школа, потому что такие школы существуют пока только в Дании, — рассказывает Кэрин. — У нас их сейчас 150. В ее основу положена идея датского философа и проповедника Грундтвига. Он считал, что людей необходимо учить общаться друг с другом, учить обсуждать проблемы, учить преподавать. И главное в этом общении — двусторонний контакт. Учитель и ученик в равной мере должны быть полезны и интересны друг другу. Учитель многому может научиться у своих учеников.

той. (Хотя в общем-то подготовка в школе достаточно серьезная, занятия ведут квалифицированные специалисты. Так что при желании здесь вполне можно стать профессионалом.) Мы учимся здесь развивая себя, становимся увереннее в себе.

Кэрин все время произносит "мы". Так кто же все-таки она? Преподаватель или студент? Да нет у них такого четкого разграничения, и Кэрин учится вместе с остальными ребятами. Как непривычно для нас такая система отношений "учитель-ученик" — равный с равным!

Хоть школа и называется высшей, вся ее программа укладывается в 4 месяца. Так что многие ребята просто прерывают на этот срок свои занятия в университете, например, а после школы продолжают учиться или работать.

Такие школы в Дании очень популярны среди молодежи. Средний возраст студентов — 20-21 год, а вообще там могут учиться все, кому уже исполнилось 17. Кроме 4-месячных курсов, летом устраиваются 2-недельные или недельные семинары, в которых участвуют не только студенты, но и их семьи.

Интересно, что сама школа напоминает целый студенческий городок. Кэрин показывала на схеме: вот теннисный корт, спортзал, вот футбольное поле, телестудия, здание, где живут преподаватели, студенческие общежития. Красиво, комфортабельно, по последнему слову техники. Недаром эти школы так популярны среди 17-20-летних. В Дании почти все проходит через систему школ общения. Правительство вкладывает в них огромные средства. Игра стоит свеч. "Те, кто управляет страной, понимают, что именно здесь создается демократия," — считает Кэрин.

Впрочем, обучение здесь платное: 5000 крон в месяц. Чтобы скопить такую сумму, ребятам приходится в среднем полгода поработать. Но это не так уж много, если за обычную квартиру в Дании платят около 4000. Учитель получает 14000 крон, однако после уплаты налогов (!) остается всего 8000.

За 4 месяца ребята хорошо узнают друг друга и продолжают общаться за пределами школы. Каждый день в группах начинается с того, что один из ребят рассказывает остальным какую-нибудь историю из своей жизни. Разумеется, они вместе проводят и свободное от занятий время — для этого созданы все условия. И, наконец, ребята вместе отправляются в путешествия в другие страны. Так, Кэрин вместе

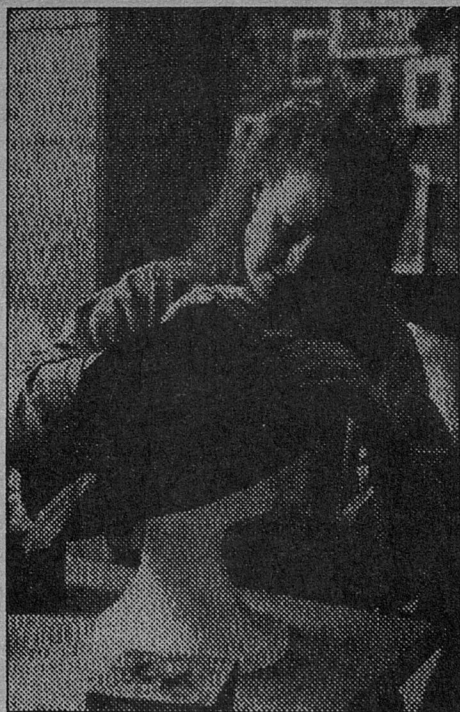
со студентами, интересующимися историей и культурой России, на своем икарусе приехала к нам. В организации поездки тоже помогала школа. Хотя помощь и не особенно требовалась: трехдневная экскурсия обошлась датчанам в 200 долларов за человека — "слишком дешево"! "Приезжайте к нам, все увидите своими глазами!" — приглашает наивная Кэрин. Да, если бы так просто нам было добраться до них, как им — до нас...

А добираться нужно. Нужно выходить на общеевропейский уровень образования, нужно учиться настоящей демократии — не только в политике, но и во всех сферах общественной жизни. И может быть, прежде всего демократичным подходам к образованию, к системе "учитель-ученик". А кому же отстраивать сожженные много лет назад мостики к обогнавшим нас соседям, если не журналистам?

— За этот год мы подружились со странами Скандинавии, — рассказывает доцент кафедры журналистского мастерства СПбУ, координатор совместных программ с Балтийскими странами Юлия Николаевна Вишневецкая. — Наша кафедра уже провела две конференции на тему "Институты журналистики Балтики: что нас объединяет".

— И что же нас объединяет? — Новые подходы к информации. Если раньше у нас на первом плане были комментарии к факту, то теперь мы пытаемся больше внимания уделять самому факту и его исследованию. Новой российской прессе нужен беспристрастный репортер, профессионал высочайшего класса.

Во время конференций мы познакомилась с программами балтийских школ журналистики. Выяснилось, что во многом они повторяют немецкие, французские курсы. И все же среди них нам удалось найти

— продолжение теоретической подготовки. Им удастся найти золотую середину между практикой и теорией. Сейчас в Орхусе прекрасная техническая база, там работают лучшие специалисты. Например, кафедрой телевидения в датской школе заведует знаменитая Нэнси Грехам из SNN. А ведь около 20 лет назад в маленьком городке (не больше Колпино!) 10 человек открыли маленькую школу с практическим уклоном, которая стала теперь одной из лучших в Европе.

Мы с профессором Флеммингом Сейерсеном, координирующим совместные программы школ журналистики балтийского региона, подписали договор о сотрудничестве. И эта программа по обмену студентами и преподавателями, которую поддержал Датский демократический фонд, уже началась. Однако планы на будущее у нас значительно шире.

Дело в том, что при помощи датских коллег мы стали ассоциированными членами Европейской ассоциации журналистов, получив, таким образом, право на участие в различных программах, финансируемых ЕЭС. В процессе работы определились и наши будущие партнеры — Орхус, Париж и Болонья.

Программа на 1994 год уже разработана, ее осталось только защитить. Ее цель — путем лекций, семинаров, а главное — практических занятий, познакомить преподавателей и студентов с европейскими методами подготовки журналиста. Журналиста — объективного исследователя общественной жизни. Если удастся доказать, что наши студенты готовы к такому сотрудничеству, т.е. достаточно хорошо владеют языками, навыками работы на компьютере и обладают необходимыми профессиональными качествами, наши партнеры помогут разработать для СПбУ оптимальную программу подготовки журналистов.

— И насколько серьезно это "если"...? — Откровенно говоря, не дотягиваем мы. Чтобы участвовать в такой программе, студент должен уметь не только написать статью и перевести ее на английский, но и полностью сделать четырехполоску на компьютере. (В Европе ведь нет такой специальности, как оператор компьютерного набора: там на компьютере работает сам журналист.) Кроме того, европейские семинары ведутся на 3-4 языках — а наши студенты? Хорошо, если знают английский...

Это — не единственная сложность. Наверняка у Юлии Николаевны на факультете не так много сторонников: слишком уж кардинальные перемены "грозят" журфаку. Такие перемены, которые позволят нам "влииться в Европу, но остаться Россией". Университет очень сложно "раскачать". В новых программах участвует пока только кафедра журналистского мастерства. Будем надеяться — пока.

Марина ПОЛУБАРЬЕВА

Каких только отделений нет в датской школе общения — я так сразу назвала ее про себя. Здесь занимаются керамисты и скульпторы, ткачи и художники, спортсмены и журналисты, и даже просто любители джаза. Каждый выбирает себе дело по душе. При этом какими-то особыми талантами обладать не обязательно. Ведь школа-то не профессиональная, ее цель — не научить человека ремеслу, а дать ему возможность попробовать себя в различных областях. Не каждому в жизни удается получить творческую специальность, да и не каждому это дано — быть художником или поэтом. Однако в такой школе это доступно всем. В собственных мастерских ребята создают свои шедевры, в собственных теле- и радиостудиях они делают всевозможные передачи и клипы.

— Пусть мы не получаем никакого диплома. Пусть в жизни большинство из нас будет заниматься совершенно другой рабо-

школу, программы которой показались нам оптимальными. Это — Высшая школа журналистики в Орхусе (Дания). (Кстати, High Folk School, где учатся наши сегодняшние гости, подшефная для орхусской школы журналистики.) Как известно, на факультете журналистики в СПбУ значительный крен делается в сторону академического теоретического образования. Сейчас такой подход уже никого не устраивает. Появляется множество новых изданий, где требуются журналисты, получившие хорошую практическую подготовку. Датская школа в этом смысле уникальна. Там весь курс делится на 3 периода: 18 месяцев — лекционное обучение, 18 — практика и затем еще 12

ДЕЛА УНИВЕРСИТЕТСКИЕ

В 1993 году Российское Химическое Общество имени Д.И. Менделеева отмечает свою 125 годовщину.

— До 1917 года оно называлось Императорским Российским, затем — Всесоюзным, сейчас — Российским. Сменяются режимы и правительства, а мы — остаемся. Знания и истина не зависят от господства политических партий и платформ, — говорит Нина Михайловна Макаренко, заместитель председателя Петербургского отделения Российского Химического Общества.

Это отделение и организует совместно с Санкт-Петербургским университетом 16-18 ноября конференцию "Химические научные школы России", посвященную 125-летию годовщине.

— Мы разослали приглашения как президентам крупнейших химических обществ Европы, так и в страны ближнего зарубежья, — рассказывает Нина Михайловна.

Взявшись за организацию подготовки научной конференции, Петербургское отделение Химического Общества совершает поступок почти что героический. Смутные времена всегда проходят под знаками новых богов. Сегодняшнее смутное время — под знаком хитроумного Гермеса. В прошлом веке Дмитрий Иванович Менделеев писал: "В России плохо заниматься наукой..." Эти слова, увы, стали особенно актуальны сегодня. Закрываются институты, сокращаются долгосрочные научные программы: фундаментальные исследования не принесут дохода сейчас, они начтены в будущее. И мало кто понимает, что, выделяя деньги на фундаментальную науку, он не бросает их на ветер.

Очень похожая ситуация сложилась в России к середине 18 века. После ухода М.В. Ломоносова в 1758 году с поста руководителя химической лаборатории Петербургской Академии наук исследования стали носить сугубо прикладной характер: они были направлены на решение исключительно утилитарных задач. Строительство новых экономических структур диктовало свои законы, и развитие науки шло по пути совершенствования технологии. "Не материя сама по себе, а материя, встречаемая в России, составляла главную задачу исследования", — писал П. Вальден. Начал приходить в упадок престиж учебных заведений в России, гротескные западноевропейские традиции которых служили почвой для насмешек не одному поколению российских литераторов. Причин этого было несколько, но главная из них — несоответствие духа Петровских реформ с сознанием тогдашнего российского социума. Россия, с ее традиционным патриархальным укладом, никак не хотела вписываться в проевропейские планы Петра. В науке стали преобладать исследования одного дня.

Дело сдвинулось с мертвой точки в начале 19 века. Работа Петербургского и других университетов явилась знаком перехода российской химической науки в совершенно другое качество — она стала университетской. А это значит — больше новой профессуры, принесяшей с собой вкус к европейскому, без изъятий, образованию; новые учебники, новые научные труды по химии. Но и новые университеты не были до конца "альма матер" чистой химической науки: кроме решения проблем научного значения, профессура должна была служить

делу просвещения вообще. Такое понимание назначения ученого привело к тому, что только в 1840-х годах в российской науке о химии начали появляться по-настоящему оригинальные фундаментальные труды: термохимические работы Г. Гессе, труды К. Клауса по химии платиновых металлов, исследования в области органики Н. Зинина, — то есть, переход исследований от повтора написанного к живому эксперименту.

Молодая красавица, российская химия, жаждала широкой известности: рамки химического отдела "Горного журнала" стали ей тесны.

ПОД СЕНЬЮ ХИМИЧЕСКИХ БОГОВ

В 1869-70-х годах Н.Н. Соколов и А.Н. Энгельгардт организовали первый в России "Химический журнал". Организуется значительное количество естествоиспытательных, технических обществ, открываются повсеместно при университетах химические кружки, лаборатории, где начинающие химики могли "за очень умеренную плату найти обстановку современной европейской лаборатории и руководство опытного знатока".

Идея зарождения русского химического общества появилась на химических вечерах, проводившихся на квартирах у Д.И. Менделеева, Л.Н. Шишкова, Н.Н. Зинина, Ю.Ф. Фрише в 1860-х годах. Но создание его затягивалось — мешали внутренние разногласия в среде ученых, загруженность научной работой и просто бытовые неурядицы.

Дело, наконец, решилось 28 декабря 1867 года (по старому стилю). Именно тогда открылся первый съезд русских естествоиспытателей. Постановление его гласило: "Химическая секция изъявила желание создать в Петербурге химическое общество для общения сложившихся уже сил русских химиков". Д.И. Менделеевым был написан устав, "примечательный по краткости и ясности". Он вскоре был утвержден министром народного просвещения.

Первое заседание Русского Химического Общества (РХО) состоялось 6 ноября 1868 года (по старому стилю) и носило организационный характер. На втором заседании был избран первый его председатель — Николай Николаевич Зинин, а на третьем — представлен черновик первого журнала РХО. Число членов РХО стало быстро расти: с 50, при его создании, до 300 в конце 19 века и 565 — к началу 1917 года.

В 1871 году Д.И. Менделеев предложил печатать в журнале РХО протоколы не только химического, но и физического общества. Именно по его инициативе Российское Физическое общество и Русское Химическое обще-

ство были объединены в одно Российское физико-химическое общество "с двумя отделениями и общими публичными заседаниями". Единение двух наук под одной крышей было отмечено докладом "Об устройстве весов, назначенных для производства опытов над газами", прочитанным Д.И. Менделеевым.

Май 1901 года — месяц серьезных структурных преобразований РХО. Принятие нового устава, который действовал до 1929 года, передача управления РХО совету, состоящему из президента, вице-президента, двух председателей отделений, казначая и шести городских и трех

иногородних представителей, — все это служило дополнительным гарантом стабильности Химического общества, нормальной его работы в новых условиях.

Прошел 1905 год, наступил год 1917. Последующие события могут служить иллюстрацией к знаменитому афоризму о "повторности истории". В середине 20-го века, как и в 18-м, фундаментальные исследования перестали быть главной задачей, а советская химическая наука стала двигаться дорогой прикладных научно-технических вопросов, приводящей к заркам Министрства химической промышленности и к благословию ВЦСПС, в ведение которого перешло Всесоюзное химическое общество, в прошлом РХО.

Гранул 1991 год. Стайками начали разбегаться республики бывшего Союза, все заговорили о самостоятельности, московской экспансии и собственной валюте. А в это время в Ростове-на-Дону состоялась учредительная конференция Российского Химического Общества им. Д.И. Менделеева (бывшего ВХО). Был принят новый устав, президентом общества был избран академик Ю. Золотов.

— Происходит много изменений, но большинство, честно говоря, нас не радует. Сократилось, например, количество членов РХО: то ли это связано с отделением республик, то ли с тем, что людям нечем платить членские взносы, — говорит Нина Михайловна.

Российское Химическое Общество поддерживает контакт с химическими обществами бывших союзных республик, когда-то образовавшими ВХО?

— Конечно. Для настоящих ученых, химиков нет границ. Нам может разделять расстояние, но объединяет любовь к истине.

Вы сказали: "настоящий ученый". Кто он для вас?

— Это тот, счастьем которого является по-

стижение истины, целью жизни его — служение науке, как бы трудно ни приходилось ему.

— Является ли среди молодых ученых-химиков, студентов престижным членство в РХО?

— Я уверена, да. Членство в РХО очень почетно; общество высоко ценится во всем мире. Достаточно сказать, что при трудоустройстве на работу в Европе одно лишь упоминание о том, что ты являешься членом РХО, дает большие преимущества.

— Вы не могли бы рассказать о работе Петербургского отделения РХО; какова его история?

— Оно было задумано в 1868 году. Тогда при активном участии Д.И. Менделеева было создано Химическое общество при Петербургском университете. В 1878 году Физическое и Химическое общества были объединены в единое Русское физико-химическое общество. После 1917 года они разделились, и впоследствии, когда образовалось ВХО, Ленинградское химическое общество стало областным правлением ВХО.

Петербургское правление РХО находится в Менделеевском центре. Он включает учебно-научный методический центр, музей-архив Д.И. Менделеева, библиотеку химического общества, представляющую уникальное собрание химической литературы, годами пополнявшаяся трудами из библиотек знаменитых ученых-химиков, постоянно действующий лекторий. С 1947 года библиотека общества принята на государственный бюджет, а ее комплектование поручено библиотеке РАН.

Одним из самых ярких событий в жизни Петербургского отделения РХО являются Менделеевские чтения. Чтения проводятся в виде торжественного собрания химической общности; чтецами выбираются ученые, значительно обогатившие научными трудами химическую науку.

Научная деятельность Петербургского отделения РХО осуществляется через 17 секций, при каждой из них — несколько постоянно действующих семинаров. Их программа публикуется на год вперед и рассматривается среди членов общества. Руководители семинаров — крупнейшие химики Петербурга.

— Каковы результаты работы вашего отделения?

— Создан Петербургский филиал Научного Совета по коллоидной химии и физико-химической механике. Открыт консультационный пункт. Его цель — внедрение в практику последних достижений химической технологии и науки: наука служит производству. Поддерживаются тесные контакты с такими предприятиями, как "Пластполимер", ГИПХ, "Нефтехим", "Пигмент" и другими; вузами — Технологическим университетом, ОГПИ им. Герцена, Химико-фармацевтическим институтом, ЦБП и прочими.

Вместе с Петербургским университетом мы с 16 по 18 ноября будем проводить конференцию, посвященную 125-й годовщине РХО. Она откроется в Менделеевском центре в 11 часов 16 ноября. Будут организованы юбилейные выставки, состоится открытие мемориальной доски, посвященной А.Е. Фаворскому.

Александр ГАЛЬПЕРИН

Накануне выборов в Ученый совет

28 октября на конференции преподавателей, сотрудников и студентов СПбГУ были утверждены квоты по подразделениям университета для избрания нового состава Ученого совета Санкт-Петербургского государственного университета.

22 ноября 1993 года конференция в том же составе возобновит свою работу и утвердит своим решением кандидатуры, выбранные в состав нового Ученого совета в подразделениях университета (порядок избрания определяют факультеты, учебно-научные центры и прочие структуры университета по ими же разработанной форме).

В решении конференции отмечается: общее число членов СПбГУ Ученого совета — 107 человек; конференция делегирует новому Ученому совету СПбГУ право избрания в его состав по представлению ректора: первого проректора, проректора по учебной работе, проректора по научной работе, проректора по Петропавловскому учебно-научному комплексу, ученого секретаря Совета, а также ученых из числа действительных членов и членов-корреспондентов РАН.

Журналисты хуже филологов?

Я давно подозревала, что журналисты — хуже филологов, а недавно мне пришлось в этом убедиться.

Дело в том, что, поступив на заочное отделение факультета журналистики, я решила пойти в библиотеку и взять полагающиеся мне учебники. Сначала все шло гладко. В библиотеке имени Горького мне выдали единый читательский билет и сообщили, что я могу читать в любой библиотеке университета. На третьем этаже факультета журналистики мне дали только три учебника — "Современный русский язык" Розенталя, "Введение в журналистику" Прохорова и "Хрестоматию по истории русской журналистики". От "Самоучителя английского языка" Петровой я отказалась сама, а больше там ничего не было. И послали меня на первый этаж, в библиотеку филологического факультета. В связи с отсутствием тепла библиотека работала по очень

странному расписанию, поэтому попала я туда только с четвертой попытки. И когда все-таки попала, мне ничего не дали. Я долго не уходила, пока не поняла в чем дело. Оказалось, что фонд этой библиотеки разделен на две части — для филологов и для журналистов. И в тот момент, когда я пришла, в части "для журналистов" не оказалось ни одного учебника.

— Вот когда ваши журналисты придут и сдадут, — сказали мне, — тогда мы вам выдадим. А из фонда "для филологов" — ни-ни, — им и так не хватает, они и прийти-то со своей небрежной не успевают, как журналисты прибегают и все расхватывают, они же в более выгодном положении — учатся прямо в здании, где библиотека, так что, когда филологи все получают, тогда и приходите, в конце ноября, если что останется, мы вам дадим.

Вот так сказали мне в библиотеке филфака и то же самое повторили на втором этаже в

филиале Горьковки, где я также попыталась взять учебник. И никого не интересовало, что в конце ноября мы (заочники) уже должны сдать все контрольные работы, чтобы быть допущенными к сессии.

А на следующий день мне надо было идти на тематическую консультацию к преподавателю литературоведения. И нужен-то мне был всего один учебник — "Введение в литературоведение". Или под редакцией Поспелова, или под редакцией Абрамовича. Так вот, первый — который лучше — их всего 13 штук — и только для филологов. А для журналистов — второй, да и то в конце ноября.

Ну и правильно, зачем журналистам литературоведение? Они ведь все равно хуже филологов. Я давно об этом догадывалась.

Лада ТРОИЦКАЯ, студентка факультета журналистики

Наука и нравственность, или "Небесная" физиология

(об академике Алексее Алексеевиче Ухтомском)

Наше время поистине можно назвать временем духовного прозрения, временем нравственного переосмысления прошлого и выбора путей будущего. В этом нелегком процессе поиска истины мы вновь и вновь обращаемся к истории, к духовным корням, связь с которыми — залог нашего сегодняшнего нравственного возрождения.

Имя Алексея Алексеевича Ухтомского (1875-1942) — выдающегося ученого-физиолога, одного из основателей физиологической научной школы Петербургского университета — до недавнего времени было знакомо довольно ограниченному кругу специалистов, занимающихся проблемами поведения. Лишь в последнее время, в результате тщательной работы над архивом ученого, раскрылась еще одна важнейшая часть его научного дарования, ставящая А.А.Ухтомского в число крупнейших религиозно-философских и социальных мыслителей XX века. Судьба Ухтомского не проста, но внутренне закономерна. Только на первый — поверхностный — взгляд его жизненный путь кажется противоречивым. Выпускник Кадетского корпуса и слушатель Московской духовной академии; кандидат богословия и студент естественного отделения Петербургского университета; принадлежность к одному из древнейших княжеских родов России, берущему свое начало от легендарного Юрика, и аскетический образ жизни; глубокая религиозная вера (Ухтомский был старообрядцем) и материалистические искания в науке; страстный поборник "единого общего дела" и "монах в миру", в полной мере ощутивший свое духовное одиночество, непонятность при жизни. Но эти вещи его биографии отражали глубинный поиск Истины в науке и жизни, стремление соединить, казалось бы, несовместимое — науку и религию, Веру и Разум, материальное и идеальное в едином процессе познания человеком Бытия. Еще в академии у Ухтомского возникла мысль выявить естественнаучные основы нравственного поведения людей, найти те физиологические механизмы, с помощью которых складывается все многообразие проявлений личности. Эти поиски, приведшие его затем на кафедру физиологии Петербургского университета, увенчались открытием им к 1923 г. принципа доминанты — как основного, системообразующего принципа в поведении человека, связывающего воедино интимные физиологические процессы в его нервной системе и высшие проявления его духа. Уловленная Ухтомским "нить Ариадны" вывела его на магистральный путь русской философской традиции, и решение ее вечных вопросов: об Истине, Добре и Зле, о нравственных корнях человека, об истоках и родниках подлинной духовности, о смысле истории и бытия — шло не только в русле верности заветам предания, но и было попыткой сказать свое, новое слово.

В предреволюционные годы Ухтомского, как и большую часть русской интеллигенции, вдохновляла вера в грядущее обновление России, в его объективной закономерности он видел возможность избавления народа от рабства и барства, возможность спасения русского общества от духовной гибели. "Революция. Пусть будет революция. Дело не в слове — дело в правде", — писал он. Но мерлом преобразовательных возмож-

ностей революции для него оставалась все та же нравственность, освещающая и оценивающая конкретные действия в истории.

Политические реалии первых лет советской власти показали всю глубину идеологического обмана, в который была вовлечена Россия: на место фактического рабства вставало рабство мысли, узаконенное официальной политической доктриной. Большая часть русских ученых-философов, идеи которых были неотделимы от религиозного сознания, вынуждена была уехать за границу. Складывающаяся в новых условиях "философия" стала все более отвечать классовым, партийным запросам. Но вот парадокс: в 20-х годах в той же России стала формироваться самобытная культура, тесно связанная с русской философской традицией прошлого, особенностью которой была истинно гуманистическая направленность. Творчество таких крупнейших ученых, как А.А.Ухтомский, Л.С.Выготский, М.М.Бахтин, П.А.Флоренский, В.И.Вернадский, А.Ф.Лосев и др., знаменовало собой недолгую пору возрождения русской науки.

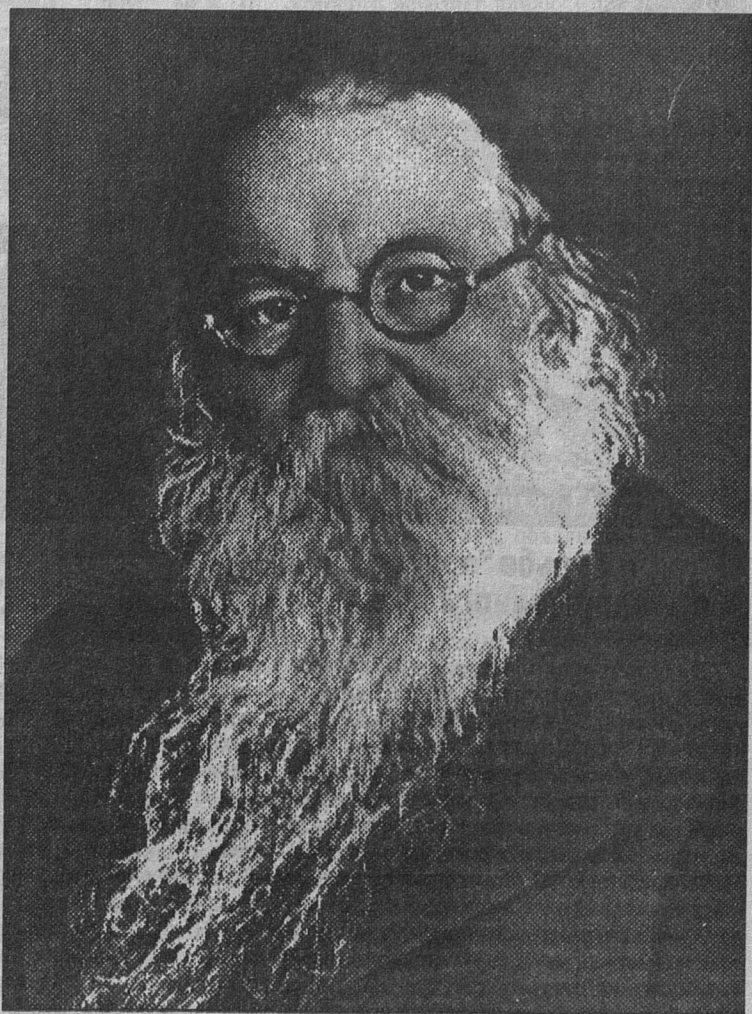
Для Ухтомского это было время его научного и духовного взлета. Именно в 20-30-х годах он создает единую философско-мировоззренческую концепцию человека, разработанную им на стыке наук (физиологии, психологии, философии, социологии и этики).

Но в политической жизни страны произошел крутой перелом, ослепленный с принятием курса на единоличную политическую диктатуру. Этот процесс коснулся и сферы науки. В 1922 г. была предпринята первая репрессивная акция по отношению к ученым-гуманитариям, положившая начало общему процессу политизации науки, губительно сказавшемуся на развитии русской мысли в целом. Большая часть русских ученых-философов, социальных мыслителей, оставшихся после революции в России, в административном порядке была выслана из страны в целях "очищения идеологической атмосферы". Это была уже официальная установка на государственный запрет научного и философского инакомыслия.

Растлевающее влияние политики сказало и на научной жизни. Люди "чечевиной похлебки" (по выражению Ухтомского) заразили индивидуальности индивидуализмом, поиском своего, уютного и теплого, ни к чему не обязывающего места в жизни. Классовый статус, полная приверженность партийному Молоху заранее обеспечивали привилегированное положение в науке, где — как и в политике — шла раздача мест и власти "доверенным лицам", готовым подчиняться и подчинять. Все больше стало появляться "администраторов от науки", определяющих и санкционирующих пути ее развития. На место свободных творческих сообществ школ, объединенных по принципу научного "со-мыслия", пришел клановый, корпоративный характер науки. Ухтомский не раз с болью писал о том вреде, который наносит науке этот складывающийся "стиль работы".

"Считалось уместным подбирать из числа работников наблюдателей, которые бы доносили, что делает или говорит тот или иной сотрудник в лаборатории. Это поручение, когда оно ложилось именно на научного работника, очень быстро и неизбежно отделяло его от рабочей группы... причудило его к мысли о как бы привилегированном положении". Карьеризм и научный авантюризм вместо истинных знаний, "канцеляризм и администрирование" вместо реальной научной работы — вот те черты нового "стиля жизни", которые подмечались Ухтомским и на примере собственного научного коллектива. Он вовремя подмечал незаметное вкрадывание в человека этого "административного заболевания", перестраивающего в нем радикально и общественное лицо. Но тут была и другая опасность: люди, находящиеся рядом, порой проявляли легкомысленную беспечность, беспринципность, нежелание противостоять надвигающейся лжи и неправде. Это уже была, по словам Ухтомского, "болезнь морального лица", означающая деформацию его нравственных критериев. "Незаметно для себя перестраивается человек в что-то неузнаваемое для самого себя, — по сравнению с тем, чем он был и что считал хорошим, правильным, нужным. Только по инерции самозащиты и стихийного самоизвинения продолжает потом безнадежно самооправдываться человек, когда давно уже от прежнего и не осталось ничего, кроме имени и оболочки".

Испытание критерием нравственности, пожалуй, и есть мерило истинности ученого, и только нравственность могла остановить этот разрушительный процесс деградации науки. В годы тотального подавления научного поиска и идеологических репрессий многие ученые выступили в защиту науки. Одним из них был выдающийся русский физиолог Иван Петрович Павлов, имевший смелость открыто критиковать новую власть за беззакония, творимый произвол и репрессии. И, несмотря на всю сложность и противоречивость их личных взаимоотношений, Ухтомский высоко ценил гражданский статус его личности. При всех различиях в их взглядах, которые примирило лишь время, этих двух великих ученых роднил некий единый "духовный знаменатель" — общечеловеческая нравственная позиция. Ухтомский писал: "Покамест еще есть этот живой уловный "раздражитель" в виде фигуры Ивана Петровича Павлова на Васильевском острове, он задерживает многое, что без него давно бы вырвалось и завладело событиями... Сам И.П. не был, конечно, какой-то абстрактной безупречностью, у него были ошибки. Он атаковывал действительных и мнимых противников с такой ослепленной страстностью, о которой приходилось сожалеть. Но то-то и было важно в особенностях, что при всем том, он был... среди нас и одним из нас, он был для современников носителем и символом некоторой моральной грани, за которую, мы знали, он не переступил бы ни в коем случае и не давал пересту-

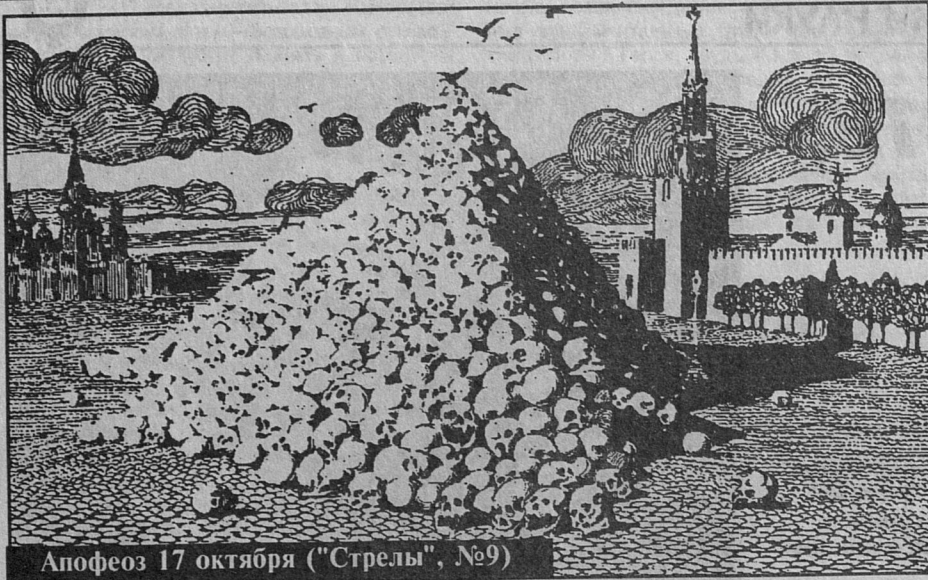
пить другим". Возможно, что именно высокий международный авторитет И.П.Павлова, которому по праву было присвоено звание "старейшины физиологов мира", в некоторой степени задержал наступление репрессивных мер в этой области знаний, развернувшихся лишь в 50-х годах как итог печально знаменитой в физиологии "павловской" сессии двух академий. Это было также поистине иезуитское решение: для определения узаконенного властью единственного "политического" направления в науке была выбрана именно школа И.П.Павлова, страстно борвшегося при жизни против всякого узурпаторства власти и мысли. При этом возведенное в ранг официальных научных доктрин, учение Павлова было примитивно упрощено, схоластически истолковано, сделано "понятным для широких народных масс". По сути дела была репрессирована сама наука: в форме ли прямых гонений отдельных ученых и целых направлений, в форме ли извращения и деформации научных идей.

Для Ухтомского процесс политизации науки имел особое значение. Все его учение было пронизано высоким гуманистическим началом. А ведь это было первое, по чему должны были ударить репрессии: выбить из человека все человеческое, подчинить его рабочей психологии "толпы", сделать из человека ее безмолвного, "растительного" деятеля. Как и многие великие мыслители нашего времени, Ухтомский не "вписался" в догматическую эпоху отроительства социализма, катастрофически непригодную и, более того, опасную для свободных философских суждений, усердно выхолащивающую всякое реальное видение событий. Но никакая суровость внешних условий не могла заглушить в нем голос "пророчесственной совести". И это требовало огромной духовной самоотдачи и подлинного гражданского мужества. Едва ли не причисленный к "врагам народа", дважды подвергавшийся арестам и лишь чудом избежавший расстрела, Ухтомский сумел выжить и, главное, духовно выстоять в суровой обстановке нашей предвоенной действительности. Многие его называли "человеком не от мира сего" — и это была правда, ибо в то время, когда в стране проливалась кровь сотен и сотен тысяч невинных жертв,

когда рушились алтари на многострадальной земле и в душах людей, когда сам человек был низведен до уровня безликого и безгласного члена "толпы", направляемой "мудрыми учителями" — Ухтомский говорил о высочайшем значении нравственности, о животворящей силе гуманизма, способной победить трагизм социальных противоречий, о вечной ценности и неповторимости каждой человеческой жизни, о глубочайшей ответственности каждого из нас за все, что делается в этом мире, о непреходящем значении взращивания Древа духовности в людях. Ухтомский предупреждал о разрушительной силе нравственного дальтонизма, не дающего человеку видеть "дальний прекрасный лес за ближайшими сорными травками" — порок, лежащий в основе главного недуга человеческого общежития — "духовного нечувствия, глухоты к тому, чем живет твой собрат по жизни и труду". Как часто наше время напоминает нам об этом! И все же главная мысль Ухтомского глубоко оптимистична: индивидуализм, разъединение людей есть лишь временный недуг — "неизбежная болезнь великого ребенка — человечества", которая должна быть преодолена высоким стремлением людей к общности. "Все истинно ценное в человеке, — писал Ухтомский, — зарабатывается трудом и болением сердца".

Голос Ухтомского — голос Пророка своего Отечества — сегодня обращен не только к нам, но и к будущему, связывая наши времена в единую цепь Истории. "События далекого прошлого через мгновения настоящего предопределяют события далекого будущего. Каждый из нас ненадолго всплескивается в этом великом море, чтобы передать предание прошлого преданию будущего. Хорошо, если мы сумеем быть чуткими к тому, что завещало нам в искусстве, в музыке, в слове и в совести прошлое, чтобы со своей стороны мы сумели быть художниками своей жизни, дабы в свою очередь передать красивое, значащее, сочувственное слово тем, кто пойдет после нас".

Л.В.СОКОЛОВА
Физиологический научно-исследовательский институт имени акад. А.А.Ухтомского Санкт-Петербургского университета

Апофеоз 17 октября ("Стрелы", №9)

В борьбе "против самодержавного строя"

На Невском проспекте разносчики газет навязывают прохожим паскудный уличный журналчик "Зритель" № 10, где помещена карикатура под названием "Черная сотня" и под нею уже появился литографированный список заключающихся в карикатуре лиц, в том числе и священные для честного русского человека имена Николая II и Александра III. Этот возмутительный факт глумления над священной особой государя с августа месяца принял скандальные размеры, так как по приложенному списку враги отечества тут же, на улице, рассматривают карикатуру и предаются дерзновенным насмешкам и издевательствам". Поводом для этого доноса, адресованного петербургскому генерал-губернатору Д.Ф.Трепову, стала карикатура, помещенная в известном сатирическом журнале "Зритель": 25 напечатанных черным силуэтов — своеобразных шаржей, представляющих известных государственных деятелей в одном ряду с обобщенными персонажами — членом Союза русского народа, перлюстратором и т.д. — карикатура, представленная в цензуру под видом орнаментальной заставки и поэтому разрешенная для печати, вызвала один из многочисленных скандалов, причиной которых явились публикации сатирических журналов того времени.

Действительно, 1905-1907 годы — годы небывалого расцвета русской сатирической журналистики. Сводный каталог "Русская сатирическая периодика 1905-1907 гг." (М., 1980) включает 249 названий журналов, издававшихся в это время на русском языке как в столицах, так и во многих провинциальных городах (многие из этих журналов хранятся в Отделе редких книг Научной библиотеки СПбГУ). Большая часть сатирических изданий вышла в свет с ноября 1905 по апрель 1906 года, в период "свободы печати", провозглашенной манифестом 17 октября и не стесненной еще новыми постановлениями о повременных изданиях.

Деятельность всей периодической печати регулировалась в это время указом от 24 ноября 1905 г., который, отменив предварительную цензуру, утвердил систему карательных мер по отношению к изданиям, нарушившим ряд статей уголовного уложения 1903 г., в частности ст.103 ("оскорбление царствующего императора"), ст.128 ("оказание дерзостного неуважения к верховной власти и порицание... образа правления"), ст.129 ("призыв к ниспровержению существующего общественного строя"). Согласно этому указу, отдельный номер такого издания подлежал аресту, т.е. конфискации и уничтожению всего тиража, само издание решением суда приостанавливалось или запрещалось, а ответственный редактор, признанный судом виновным в нарушении закона, мог быть приговорен к ссылке или тюремному заключению.

Такие жестокие меры, широко применявшиеся правительством после отмены предварительной цензуры, не только не смогли стать непреодолимой преградой на пути развития радикального направления в

журналистике, но и вызвали немало язвительных насмешек. Практически ни один сатирический журнал этого времени не вышел более чем в 3-5 номерах, однако, закрытый под одним названием, он часто возвращался к жизни под другим. Так, журнал "Дятел", приостановленный уже после выхода первого, пробного номера, был возобновлен под названием "Клюв". На обложке нового журнала появился рисунок: решетка каземата, из-за которой высовывается только клюв заключенного "Дятла". Даже тюремное заключение редактора не препятствовало иногда изданию журнала: Н.Г.Шебуев, уже будучи под следствием, выпускает последние номера "Пулемета", сообщая на последней странице журнала, что "принимает... в те дни, когда не сидит в тюрьме".

Как правило, журналы этого периода создавались в среде радикальной интеллигенции и отражали ее точку зрения на происходившие в стране события. Несмотря на то, что в России уже существовал ряд политических партий, журналы редко заявляли о своей принадлежности какой-либо из них. Напротив, они скорее объединяли различные политические силы, критикуя действия правительства с позиций общедемократических идеалов. Так, деятельный участник ряда сатирических журналов 1905-1907 гг. Е.Е.Лансере уже в советское время вспоминал: "Мы тогда революцию не воспринимали еще как борьбу класса против класса, а как борьбу "всего народа" против самодержавного строя". Сатирические журналы, ставшие своеобразным рупором общественного мнения, являются сейчас уникальным историческим источником, иллюстрирующим изменение отношения русской интеллигенции к революции 1905-1907 гг. на различных этапах ее развития.

История русской сатирической журналистики 1905-1907 гг. начинается 5 июня 1905 года выходом первого номера журнала "Зритель". "Зритель", выходящий в условиях предварительной цензуры, отличался тем, что при невозможности открытой критики существующего строя все его материалы: и рисунки, и небольшие рассказы, и даже хроника общественной жизни (которую журнал имел право только перепечатывать из официальных изданий) — проникнуты и объединены отчетливо выраженной антиправительственной тенденцией. Авторы журнала, среди которых были Ф.К.Сологуб и Саша Черный, и художники (С.В.Чехонин, Н.И.Шестопалов и др.) сумели создать в "Зрителе" такой контекст, в котором даже виньетка, изображающая горящую свечу, представлялась символом догорающего самодержавия. Прекрасной иллюстрацией истории борьбы "Зрителя" с цензурой служит карикатура, помещенная в одном из его номеров: скованный по рукам и ногам человек, окруженный химерами, в которых угадываются черты известных чиновников — неперемных персонажей журнала, держа кисть в зубах, пытается нарисовать... словую пишку (в сатирической периодике этого времени — один из знаков Николая II, намек на известный удар, нанесенный наследнику во время его путешествия японским полипейским).

Первый апокалипсис XX века

"Зритель" несомненно явился одним из факторов, оказавших значительное влияние на формирование общественного мнения столицы летом-осенью 1905 г. Как указал составитель одного из первых каталогов русской сатирической периодики 1905-1907 гг. Н.Виноградов, "историку описываемой эпохи несомненно придется отметить влияние "Зрителя" на умы петербургской публики и его влияние на степень подготовки надвигающихся событий".

Сатирическая журналистика и "свобода печати"

17 октября был подписан, а 18 опубликован в утренних газетах "Высочайший манифест", даровавший населению незыблемые основы гражданской свободы". Правительство по отношению к печати на какое-то время оказалось в положении изображенного на обложке первого бесплатного номера "Зрителя" городского, в замешательстве отдающего честь развешиваемым красным знаменам. Предварительная цензура была отменена. 30 октября выходит первый номер нового сатирического журнала "Стрелы"; 13 ноября — первые номера "Пулемета" (редактор-издатель Н.Г.Шебуев) и "Сигнала" (редактор-издатель К.И.Чуковский).

Все эти журналы представляли интерес прежде всего своей злободневностью, оперативностью оценки текущих событий. С этим связана и основная особенность их художественного оформления — двухцветная печать (черной и красной краской). Обилие красного не только делало журналы более выразительными, но и указывало на их политическую ориентацию (так, например, по свидетельству Р.С.Минцлова, "в Царском Селе журналы в красных обложках к продаже на улицах не допускались"). "Мы заливали красной краской Невский," — вспоминал Н.Г.Шебуев; по его же словам, читатели сатирических журналов "сливались... родились в красном смехе". Какие же идеи объединили тогда русское общество? Основная тема этих журналов — сатира на "тысячеголовую гидру — русскую бюрократию" — от городского до премьер-министра и самого императора. "Вся Россия объединилась в одно чувство, — пишет в 1905 году В.В.Розанов. — Это чувство — негодование, презрение к бюрократии". Объектами сатиры были высшие государственные чиновники: премьер-министр С.Ю.Витте, подобно канатоходцу балансирующий между правыми и левыми партиями; министр внутренних дел П.И.Дурново, из-за нанесшей немалый ущерб казне аферы с поставками фуража часто называемый в публикациях этих журналов "овсеодом"; члены императорской фамилии — великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович, также растрчивающие казенные средства и т.д.

Естественно, что критике подвергались и все действия такого правительства, и в первую очередь — манифест 17 октября. Манифест был встречен русским обществом как первая победа революции. Одна-

ко вскоре стало ясно, что "все свободы родились... и скончались 17 октября" (так назывался рисунок И.И.Бродского, помещенный в № 2 сатирического журнала "Светае"). "Дарованной" свободой прежде всего воспользовались правые силы и черносотенцы: по стране прокатилась волна погромов, правительство террора и "патриотических" демонстраций. Уже 18 октября, в день опубликования манифеста, в Петербурге войска оцепили здание Технологического института, где происходили многолюдные митинги, и подвергли его обстрелу: приказ петербургского генерал-губернатора Д.Ф.Трепова; "Патронов не жалеть!", отданный 14 октября, остался в силе. Утро этого дня запечатлел И.Е.Репин в картине "18 октября 1905 года", а события, произошедшие вечером, нашли отражение во всех сатирических журналах. Отпечаток кровавой пятнышки на тексте манифеста — замечательная силой выражения и лаконизмом деталей знаменитая карикатура Н.Г.Шебуева ("Пулемет", №1) пояснена надписью: "К сему листу свиты его величества генерал-майор Трепов руку приложил".

Наиболее распространенный и популярный жанр сатирического изображения действительности в журналах ноября-начала декабря 1905 года — пародия. Пародировалась официальная пресса, прежде всего материалы, посвященные событиям в стране. "Официальные сообщения, — заметил Саша Черный, — это те лохмотья, которыми тщетно пытаются прикрыть прокаженное тело". Сатира показывает лживость официальных сообщений, вскрывая контраст между их "бодрым" тоном и действительным положением дел в стране. Так, часто употреблявшуюся в донесениях с мест фразу "В городе все спокойно, движение на улицах возобновилось" журнал "Стрелы" иллюстрирует карикатурой, изображающей безлюдную улицу с закрытыми ставнями на окнах домов; по ней "движутся" только два вооруженных до зубов казака, глядя на которых дрожит даже неосторожно выбежавший на середину улицы пес, изображенный на переднем плане рисунка. Новую "свободу печати" карикатурист "Стрел" М.М.Столяров представляет в виде изможденного журналиста, который, стоя у конторки, пишет статью, оглядываясь на стоящего у него за спиной с длинным кнутом в руках дожего жандарма.

Пародия как жанр прекрасно соответствовала общему настроению сатирической журналистики эпохи подъема первой русской революции, — настроению, которое определяло характер критики правительства, критики, часто переходящей в издевку, критику, которую Н.Г.Шебуев назвал "глумливой", а один из цензоров "Зрителя" — "озорнической".

Настроение сатирических журналов тех дней исчерпывающе определялось лозунгом, помещенным на обложке первого номера журнала "Пулемет": "Долой!" Сатира ограничивалась отрицанием существующего порядка вещей, не имея своей точки отсчета — положительной программы. Важно, однако, что политическая сатира поверялась в журналистике 1905-1907 годов этикой и нечеткость политической программы восполнялась твердос-

Кустодиев Б.М. Москва. Вступление

тью этической позиции. Правительство обвинялось прежде всего в лицемерии, лжи, безразличии к интересам народа — тех нравственных просчетах, которые стали и политическими ошибками.

В дни правительственного террора

2 декабря в Петербурге выходит первый номер нового сатирического журнала "Жупел" (редактор-издатель З.И.Гржебин). "Жупел" стал вершиной сатирической журналистики того времени. Авторами журнала были А.М.Горький, А.И.Куприн, Саша Черный, К.Д.Бальмонт, И.А.Бунин; художниками — деятели "Мира искусства" М.В.Добужинский, Б.М.Кустодиев, И.Я.Билибин, Б.И.Анисфельд. Журнал отличался и высоким уровнем полиграфического исполнения: он печатался в одной из лучших типографий Петербурга "Товарищество Р.Голлике и А.Вильборг", при печатании использовались особые шрифты.

Уже в первом номере "Жупела" помещены рисунки, выделяющие новые акценты в понимании революции, несущие более глубокую оценку переживаемых событий — это ставшая хрестоматийной "Октябрьская идиллия" М.В.Добужинского и рисунок В.А.Серова "Солдатушки, бравы ребятушки! Где же ваша слава?" Как известно, рисунок В.А.Серова создан под впечатлением событий 9 января, свидетелем которых был художник, наблюдавший из окон мастерской В.В.Матэ в Академии художеств разгон войсками одной из колонн демонстрантов. Характерно, что на рисунке художник изображает не озверевших карателей и окровавленные жертвы, а момент, предшествующий столкновению. Выбор сюжета обуславливает предельную выразительность работы: офицер, с пашкой наголо, в экстагическом порыве бросающий казаков на темную настороженную толпу, навсегда останется знаком предчувствия надвигающихся общественных катаклизмов, куда более грозных и трагических, чем пережитые.

В декабре 1905 г. сатирическая журналистика развивается в условиях максимального обострения революционной ситуации: 8-9 декабря всеобщая стачка переросла в Москве в вооруженное восстание. Центр города был окружен баррикадами. Впервые за много десятилетий в Москве раздали оружейные залпы: восставших расстреливали из пушек. "Орудийная пальба сотрясала стены, сносила дом за домом, — вспоминал один из руководителей восстания. — Поднялись пожары. Над Пресней повисли огромные тучи дыма". К 21 декабря восстание было подавлено.

В сатирической журналистике первая попытка рассказать о московских событиях была предпринята в пробном номере журнала "Великая Москва", вышедшем около 18 декабря. В номере помещены три рисунка Н.И.Шестопалова — "пейзажные" зарисовки борющегося города. На одном из этих рисунков изображены четверо пьяных жандармов, расстреливающие восставших из пулемета, установленного на колокольне Страстного монастыря. "Зимнее холодное солнце. Снег. Больно глазам. Высокая колокольня на

площади... Помню... Звонкие колокола... Громкий веселый призыв... Светлое пение... Радость... Любовь детская, чистая... Верилось... Легко было. Светло — колокола молчат. Сухой безжизненный треск сверху... Падают за площадью люди... Наверху пьяный, бессмысленный хохот", — этот фрагмент очерка "Победители", напечатанного в № 1 журнала "Альманах", написан как бы под впечатлением рисунка Н.И.Шестопалова. Сам очерк интересен тем, что точно передает ощущение исторического перелома, грани двух веков: ушедшего XIX, вспоминающегося как время светлой детской любви и веры, и надвигающегося XX, озаменованного "безжизненным треском" пулемета и "пьяным, бессмысленным хохотом" карателей.

Ожидание вместе с концом века и конца "всемирной истории", крушения "старого мира" в тех или иных формах свойственно совершенно различным кругам русской интеллигенции в предреволюционную эпоху. "Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хоть и неуловимым дуновением", — еще в 1897 г. пишет В.С.Соловьев. На фоне широкого распространения апокалиптических настроений и революции 1905-1907 гг. в какой-то момент стала восприниматься частью русского общества как глобальная мировая катастрофа, сокрушающая не просто "старые формы бытия", но и самые основы мироощущения человека XIX века. "Сгорели в пожаре... отечество, религия, быт, социальные связи, сословия, философия, поэзия. Человек наг опять", — пишет В.В.Розанов. Однако если летом-осенью 1905 г. существовала еще уверенность в том, что "когда всемирный пожар кончится и старый Феникс окончательно догорит, — из пепла его вылетит новый Феникс" ("Старый хлам дал трещины, и в них смотрят милые лица", — эта цитата С.Гусева-Оренбургского приведена в № 1 "Зрителя"), то после декабрьского восстания эта надежда на возрождение человека была поколеблена: бутафорские маска и парик были сметены с лица времени, открыв иной его образ — устремленные в будущее пустые глазницы смерти (М.В.Добужинский "1905-1906", "Жупел", 1906, № 3).

О московском вооруженном восстании как о событии эпохального значения, во многом изменившем для человека рубежа эпох не только отношение к революции, но и его "мироощущение", мироощущение в целом, пишет и Г.Н.Трубецкой в статье "Московские декабрьские дни", опубликованной в журнале "Полярная звезда". Автор подчеркивает чувство растерянности, овладевшее значительной частью русского общества после разгрома восстания: "И вот теперь все это кончилось и хочется вздохнуть свободной грудью, но не чувствуется притока свежего воздуха, и глаз тщетно ищет просвета в глубокой тьме непрерывающегося кошмара".

Это чувство не могло не найти отражения в сатирической журналистике. 24 декабря вышел второй номер "Жупела" со знаменитым триптихом Б.М.Кустодиева, Е.Е.Лансере и М.В.Добужинского "Москва. Вступление. Бой. Умиротворение". 7 января появился последний, девятый номер "Стрел", на обложке которого изображен московский генерал-губернатор Ф.В.Дубасов, принимающий кровавую ванну. В этом же номере помещен рисунок "Апофеоз 17 октября": пирамида из черепов на Красной площади. С выходом этих журналов начинается новый период истории сатирической журналистики. Она перестает быть собственно сатирической: язвительный смех ранних сатирических журналов меняется теперь трагическим похоронным плачем; "кошмар" — слово, которое определяет восприятие и изображение действительности.

Графика последекабрьских сатирических журналов интересна прежде всего тем, что она, как ни один другой вид искусства, отразила вызванные событиями первой русской революции изменения "мироощущения" человека начала XX века. Художники последекабрьских журналов видят реальность иначе, чем мастера XIX века. Мир как бы отчуждается и представляется холодно-враждебным, границы его раздвигаются до

бесконечности: становится возможно охватить взглядом не только Пресню или Москву, но и весь земной шар (Г.Чайковский "Вид на землю с луны", "Спут", № 8, 16 февр.1906 г.). Вместе с тем, смешаются все привычные масштабные соответствия: человек оказывается вовлеченным в "мировой водоворот истории" (А.Блок) — "пляску смерти" — и перед ее лицом видится ничтожно малым. Традиционным реалистическим методом становится невозможно выразить весь ужас происходящего: журналы переполняет мрачная фантастика. На их страницах мы видим потоки крови, залившие страну, и груды мертвых тел — результат правительственного террора. "Пойдемте посмотрим, как их много, — читаем в одной из заметок журнала "Великая Москва", — груды навалены они друг на друга... Они лежат в беспорядке, как были брошены; руки и ноги их переплелись между собой, обвиты, точно красной лентой — кровью". "За страшные преступления — страшный суд, — как бы отвечает на эту публикацию заметка, помещенная в № 1 "Масок" (1 февр.1906 г.) — Илет он... Гулит набат, с ответным набатом перекликается, зовет, кричит... Зарева колыхается, растут... Страшный Суд илет".

Связанная с апокалиптической символикой тема мировой катастрофы, страшного суда как возмездия за преступления — одна из главных тем последекабрьских журналов. Основной темой становится тема смерти — скелет в жандармской папаче, чьи владения простираются от Балтийского до Черного моря ("Зарево", № 1, обложка), смерти уставшей (И.И.Бродский "Устала!..", "Леший", № 1, сер.апр.1906 г.), торжествующей ("О поле, поле! Кто тебя усеял мертвыми телами!", "Гвоздь", № 2, 29 янв.1906 г.) и в то же время ужасающей числу жертв ("И куда мне их столкнуть...", "Буря", № 4, 28 янв.1906 г.). Россия, как на рисунке И.И.Бродского "Тянутся по небу тучи тяжелые" ("Леший", № 2, обложка), представляется громадным кладбищем, над которым вместо облаков плывут черные гробы.

Новые апокалиптические мотивы не могли не повлиять и на трактовку основных тем ранних сатирических журналов. Так, С.Ю.Витте и П.И.Дурново изображаются вращающимися кругом, на котором смерть точит свою косу ("Вампир", № 2, янв.1906 г.), а контуры их фигур, поддерживающих символ самодержавия — "пламенное сердце", сливаются в изображение черепа ("Пчела", № 3, март 1906 г.). Трансформируется и тема казни и жертв реакции, свойственная обоим периодам. Если в ноябре в изображениях казни постоянно подчеркивается мотив жертвенности, связанный с евангельской символикой, то в период массового правительственного террора сознание единичности и неповторимости жертвы терзается: мотив Распятая замещается мотивами Снятия с креста (Н.Н.Герардов "Баррикада взята", "Молот", № 2) и Аппиевой дороги ("Спут", № 5). Своеобразным переосмыслением последнего мотива является рисунок П.С.Добрынина "Кошмар" ("Леший", № 1). Художник изобразил теряющееся в грязно-сером тумане железнодорожное полотно и телеграфные столбы, каждый из которых превращен в виселицу.

Итак, после московских декабрьских событий сатирические журналы во многом меняют свой облик. Это вызвано тем,

Злотников А.Т. ("Зарево", №1, обложка)

что в дни правительственного террора зимы 1906 г. революция была воспринята как мировая катастрофа, пожар, в огне которого исчезнет цивилизация XIX века. Последекабрьские журналы — своеобразный Апокалипсис, предвещающий близкий конец "старого мира" — первый Апокалипсис XX века.

"Отбой!"

Новый период истории сатирической журналистики связан с ожидавшимся весной 1906 г. созывом Государственной Думы. В это время в среде либеральной интеллигенции сложилось мнение, что революция достигла своей цели — конституционной монархии — и должна быть прекращена.

В начале февраля 1906 года выходит первый номер журнала с символическим названием "Отбой". На обложке номера — рисунок М.А.Демьянова: воин, трубящий сигнал к окончанию сражения. Под рисунком стихотворение, объясняющее смысл названия журнала:

*"Мирным трудом и любовью
Надо бороться с судьбой.
Счастье не купится кровью:
Братья! Трубите отбой!"*

Редакционная статья номера называется "Довольно!" и развивает те же идеи: "Довольно крови, довольно слез и горя! Довольно погромов, пожаров и грабежа! Неужели этот сплошной ужас, этот мучительный кровавый кошмар, это беспримерное безумие могут еще длиться? Неужели не пора понять, что успокоение, счастье и свобода достигаются не взаимной враждой, не кровью, огнем и железом... а вдумчивым, спокойным трудом?" Заставка, помещенная на второй странице журнала, изображающая Россию, с двух сторон раздираемую псами: бюрократией и революцией, и "Сравнительная таблица русских политических партий" (с.4), в которой в равной степени критикуется и "черная сотня", и "красная", окончательно проясняют позицию журнала: критика всего, что мешает установлению "общественного успокоения". "Отбой" отрицает разрушительную стихию революции: на последней странице третьего номера помещен рисунок с подписью "И тем и другим стало лучше", изображающий разграбленную и разрушенную усадьбу с одной стороны и сожженную деревню — с другой. Выход из бедственного положения журнал видит не в конфронтации различных общественных сил, а в их единении для осуществления постепенного исторического преобразования страны. Не случайны здесь и обращения к истории России: так, в статье "Как было встарь?" (№ 3, с.3), направленной против "охранителей", видевших в созыве Государственной Думы "разрушение устоев" государства, автор, говоря о созыве царем Алексеем Михайловичем Земского собора, доказывает, что речь идет не о разрушении, а о развитии "зачатков народного представительства", "возрождении тех коренных основ, которые искони были присущи русскому народу".

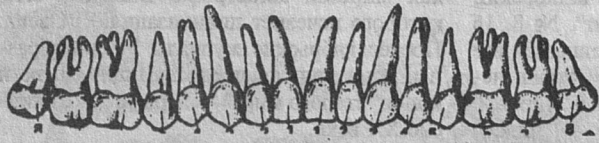
Несомненно, идеи, овладевшие в этот период сатирической журналистикой, свидетельствуют о постепенном спаде революционной ситуации. Одним из косвенных признаков этого спада стало и постепенное, начиная с лета 1906 г., сокращение количества издаваемых сатирических журналов. Так, из 130 журналов, выходивших в Петербурге в 1905-1907 гг., 97 издавались в первые восемь месяцев "свободы печати", с ноября 1905 по сентябрь 1906 г. Тесно связанная с первой русской революцией, сатирическая журналистика исчезла после ее поражения, отразив изменение взглядов русской либеральной интеллигенции на революцию: от восторженного приятия в октябре-ноябре 1905 г. через осознание сложности и трагичности революционной борьбы в эпоху правительственного террора к признанию большей целесообразности эволюционного пути развития весной 1906 г.

(1987 — 1993)

А.А.САВЕЛЬЕВ,
зав.сектором Отдела редких книг и
рукописей научной библиотеки
им.Горького

ДЕЛА УНИВЕРСИТЕТСКИЕ

**"ЗУБНАЯ БОЛЬ"
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ
ПОЛИКЛИНИКИ**

Галина Ивановна Шихова оторвалась, наконец, от своей пациентки и устало опустила на стул рядом со мной.

— У нас это обычная история. Примерно по два голодных обморока в неделю случается. Бедные студенты приходят лечить зубы, забывая перед этим перекусить. Да и где сейчас перекусишь, на что? Вот мы их и сажаем, вместе с медперсоналом, чайку попить. Сахар специально припасен: приторный чай в таких случаях хорошо помогает...

У зубного кабинета в университетской поликлинике каждый день столпотворение. Желаящих бесплатно, скажем, поставить пломбу, особенно у таких опытных врачей — хоть отбавляй.

— А между тем, наш штат укомплектован только наполовину! Нам впятером (это я считаю вместе с Петергофским филиалом) приходится выполнять план, рассчитанный на десятерых. И неудивительно, что хорошие специалисты редко здесь задерживаются. Единственный плюс — работать приходится с универсантами, студентами, профессорами, интеллигентными людьми. А так... Сами посудите: нашему врачу вместо 21 человека, как положено, приходится принимать 35-40. Соответственно, он часто задерживается и после окончания рабочего дня. В любой поликлинике работа, выполняемая сверх нормы, оплачивается лучше, чем рабочее время. А у нас все наоборот. Врачи со стажем и опытом получают за сверхурочный прием из расчета ставки начинающего врача!

— Галина Ивановна, а как же договора, коммерция? Наверное, уж стоматологам сейчас не трудно найти дополнительный заработок.

— Конечно! В кооперативе. И даже в обычной городской поликлинике. Один только осмотр в городе — 500 рублей, а лечение, самое несложное — 2000. А наша, хоть и называется официально Городской поликлиникой № 1, обслуживает в основном СПбУ, студентов Горного института и института им.Репина. В этом году нам пришлось ограничить поток больных. Утром в регистратуре выдается 15 номерков, 4 из них — для сотрудников СПбУ, остальные для студентов. (Сотрудников университета мы приглашаем на осмотр в каникулярное время.) На договора остается очень мало времени. Однако и из тех скромных договорных доходов врачам приходится покупать боты, материалы.

— Но поликлиника финансируется из городского бюджета. И потом, университет...

— Не все можно достать по безличному расчету. И, кроме того, финансирование далеко не удовлетворительное. Мы работаем на старых установках, которые пора бы заменить.

— В прошлом году университет ведь приобрел 2 новейшие импортные установки...

— Которые оказались недоукомплектованными. Одна из них стоит по сей день в соседней комнате, другая — в Петергофе. СПбУ даже заплатил 759 тысяч за их установку. Но работать на них нельзя: нет специального масла, которое в России не выпускается. Вы, кажется, сказали "новейшие"? Да это практически такие же машины, какие стоят здесь! Модели 8-10-летней давности.

Хорошо бы в следующий раз, когда у университета появится возможность что-то приобрести для поликлиники, поручить это специалистам. Вот сейчас мы просим приобрести галогеновое освещение, чтобы использовать последнее поколение пломбирочных материалов. Такая "лампочка" стоит около миллиона — не хотелось бы и тут промахнуться.

Почему же так получается: университет вроде бы и пытается помочь своей поликлинике, да как-то не попадает? Хотя врачи в один голос заявляют: с самими универсантами отношения у нас хорошие. Может, потому, что на официальном уровне эти отношения до конца не определены?

— Сейчас с Л.А.Вербицкой обсуждается вопрос о статусе нашей поликлиники, — рассказывает главврач Г.И.Спиридонова. — Если бы из Городской поликлиники № 1 она превратилась в университетскую, нашим специалистам уже не приходилось бы обслуживать людей со стороны. Хотя и сегодня до 90% пациентов — универсанты.

— Галина Ивановна, в прошлом году столько было разговоров о страховой медицине, о хозрасчетных принципах медицинского обслуживания.

— В нашей поликлинике это касается только лип посторонних. Согласно приказу Комитета по здравоохранению мэрии Санкт-Петербурга профессорско-преподавательский состав, служащие университета, студенты и аспиранты обслуживаются бесплатно.

— И никаких исключений?

— Конечно, кроме того, что сверх нормативов поликлиники. Мы приглашаем консультантов, например, из 1-го мединститута и вынуждены оплачивать их услуги по договорам. К ним относятся гомеопат, кардиолог, эндокринолог, уролог, психоневролог, иглофлексотерапевт, сексопатолог, хирург, артролог и онколог.

— Оформление справки ведь тоже платное? Причем стоит справка достаточно дорого. Стоимость абонемента в бассейн несколько месяцев назад была 1000 рублей, при этом за справку сотруднику СПбУ пришлось заплатить 600 рублей.

— Да, медицинское обеспечение культурно-массовых учреждений (то есть всевозможные справки) платное. Справка за границу — 1000, в дом отдыха — 600 рублей. Теперь справка в бассейн будет стоить 400 рублей. Но расценки определяются на уровне города. Мы же городская поликлиника! И все-таки

нам удастся пока снижать цены на 25-30% для универсантов.

Кроме того, оплачиваются медицинские услуги, осуществленные по желанию пациента. Так, массаж, одна процедура, стоит 225 рублей, электрокупюра — 500, родоновые ванны — 675. Платными являются специальные биохимические и рентгеноконтрастные услуги, гинекология и контрацепция.

Профосмотры — вопрос особый. Недавно в поликлинике даже зам.главного врача превратился в профпатолога. Занимает эту должность Нина Ивановна Лясецкая.

— Никак нам не решить эту проблему. Сначала думали, что осмотры сотрудников СПбУ, работающих во вредных условиях (а такие есть практически на всех факультетах и в институтах), оплачиваться будут университетом централизованно. С 1 июля — 2,5 тысячи за одного человека. Но потом остановились на том, что каждое подразделение оформляет свои финансовые взаимоотношения с поликлиникой самостоятельно. Результат — 50-процентная явка на профосмотры. А ведь в каждом подразделении есть, наверное, инженеры по охране труда. Они не могут даже предоставить поликлинике четкие списки сотрудников, которым необходимо пройти осмотр, тем более обеспечить их явку. К работе, таким образом, допускаются все, никаких медицинских ограничений фактически не ставится. Мы предоставляем отчеты, но, во-первых, там сведения только о половине (в лучшем случае!) сотрудников, а во-вторых, и эти-то данные вряд ли принимаются во внимание. Считается почему-то, что профосмотр — пустая формальность. А между тем именно на профосмотре выясняется, например, что из 130 университетских химиков здоровы только 18!

Знаете, о здоровье сотрудников прежде всего должна заботиться администрация. Не от медиков зависит здоровье...

А разве администрация СПбУ не заботится о здоровье сотрудников? За свет и горячую воду в поликлинике платит университет. (Правда, стоматологи уверяют, что с мая горячей воды нет.) Оказывается помощь в проведении ремонта. (Правда, к октябрю стояки еще не поменяли, и больные мерзнут.) Закупается медицинское оборудование: во-первых, машины для зубного кабинета, во-вторых, кардиокомплекс, в-третьих... Впрочем, хватит и "во-вторых". "Так кто же виноват?" — Пожалуй, неверный вопрос. Чья же она, поликлиника? Городская, бюджетная — или университетская? Может, университету было бы выгоднее иметь свою поликлинику (т.е. санчасть). "Это еще неизвестно! Как бы хуже не было, — осторожничают врачи. — Кто знает, какую категорию нам дадут. Мы можем в зарплате еще и потерять. Университет, как и все вузы, сам в очень тяжелом положении".

Действительно — зубная боль. Зуб-то болит. А пойти вырвать боязно: вдруг хуже будет. Авось само рассосется?

Марина ПОЛУБАРЬЕВА

P.S. Уже после того, как был подготовлен материал, выяснилось, что при содействии университетского профкома на базе профилактория с 1 ноября открываются две палаты дневного стационара.

**НЕ
"СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО",
НО "ОСОБОЙ
ВАЖНОСТИ"**

На недавней научной конференции в Санкт-Петербурге один из американских ученых из Калифорнии сказал: "Господа, извините за резкость, но ваши профессора ездят по всему миру и выбалтывают такое, чему цены нет. Научите их не раскрывать рот, и вы сохраните ваш интеллектуальный потенциал".

Или, добавим мы, поставьте проблему государственной тайны на правовую основу.

Закон РФ "О государственной тайне" комментирует один из его авторов Михаил Александрович ВУС.

— Информация — это товар: идеи стоят денег, но быстро устаревают, а потому закон не просто впервые в нашей законодательной правовой практике дает определение гостайны, но и закладывает общие базовые принципы, фундаментальные установки эффективного использования нашего интеллектуального богатства.

Несмотря ни на что, нам еще есть, что защищать: по зарубежным источникам, научный потенциал Санкт-Петербурга составляет чуть менее одного процента мирового, а научный потенциал Москвы оценивается в 2,5 процента мирового. Интеллектуальная собственность России — в пиках прошлого года — составила три триллиона долларов.

По данным 1990 года наш университет имел 0,15 процента мирового интеллектуального богатства — таких центров во всем мире не более сотни. Но мы не привыкли взвешивать знания на коммерческих весах.

Каковы же, на мой взгляд, основные задачи этого документа? Первое, обеспечить сохранность результатов научной деятельности. Второе, защитить интеллектуальную собственность граждан при соблюдении баланса интересов личности, общества и государства. Третье — особенно важное — закон дает правовую базу процесса создания новых специалистов управления.

Мы попытались — впервые в практике нашего законодательства — подойти к решению проблемы системно, учитывая и морально-этический аспект — воспитание сознательного отношения к коллективной интеллектуальной собственности (что особенно важно сегодня, в условиях стихийного вхождения в рынок, когда все на продажу и объектом таких сделок в качестве собственной зачастую выступает интеллектуальная собственность целых коллективов); государство может "выкупить" информацию у ее владельца, собственник может делегировать права на распоряжение этой собственностью и т.д.; впервые указано на необходимость разработки научной методологии и кадрового и технико-технологического обеспечения системы секретности. Я с полным правом могу сказать, что мы заложили первый камень в основание системы защиты информационной собственности в стране.

Обращаясь собственно к тексту этого документа и уже указав на четкую правовую дефиницию определения государ-

ственной тайны, включенную непосредственно в текст закона, считаю небезынтересным перечислить, что не подлежит засекречиванию по закону: сведения о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, их официальных прогнозах, последствиях, о состоянии экологии, охраны труда, здравоохранения, санитарии, преступности, о привилегиях, компенсациях и льготах, которые предоставляет государство гражданам, должностным лицам, предприятиям и учреждениям, о фактах нарушения прав и свобод человека, о состоянии здоровья высших должностных лиц, о размерах золотого запаса и валютных резервах.

Хотелось бы обратить внимание на еще одно положение закона. Устанавливая жесткие правила допуска к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, наш закон не только регламентирует сферу полномочий, но и определяет юридическую ответственность лиц, "закрывающих" или "открывающих" тайны, причем руководителем при этом несет персональную ответственность и в случае нецелесообразного сокрытия сведений, и в случае разбазаривания нашего интеллектуального богатства.

А в заключение хотел бы обновить книжный стереотип — закон вводит три грифа секретности: "особой важности", "совершенно секретно" и "секретно".

О Карле Густавовиче Фаберже свидетельств современников сохранилось немного. Странно? Безусловно, ведь, с одной стороны, ежедневная работа со множеством людей, постоянное общение, а с другой — закрытость внутреннего мира не только для близких знакомых, но даже для родных. (Внук Карла Густавовича — Федор Агафонович Фаберже — вспоминал, что дома никогда не говорили о работе.)

Получается, что мы почти лишены возможности создать психологический портрет знаменитого мастера. Но некоторые, очень существенные, на наш взгляд, штрихи все же следует обозначить.

ПАРАДОКСЫ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА

В семье Фаберже огромное значение имели традиции гугенотов. После исхода из Франции, в 1685 году, семья гугенотов-ремесленников Фаберже болела ста лет проживала в Германии, там женились на немках и сильно онемечились. В Россию первый Фаберже, искусный столяр, переселился в декабре 1794 года. Приехал он в Пернау (сейчас Пярну, Эстония) из Шведтана-Одере, родины Екатерины II и жены Павла I, Марии Федоровны. (Небезынтересно, что последняя сама увлекалась ювелирным делом, резала камни и занималась миниатюрной живописью.)

Менталитет семьи очень сложный. Очевидно, только такой суперэтнос, как русский, если пользоваться понятиями теории проф. Л.Н.Гумилева, смог "переварить в себе", "поглотить" те многочисленные национальные менталитеты, которые в течение двух столетий вошли в характер членов семьи Фаберже. Тот самый дед-столяр Петер-Карл Фаберже женился в России на Марии Эльснер-Фабрициус, остзейской немке (возможно, с примесью латышской крови: Фабрициус — фамилия латышских немцев или немецких латышцев). Отец Карла Фаберже — Густав Петрович — женился в 1842 году на дочери шведского профессора живописи Карла Юнгштедта — Шарлотте. (Кстати, женское имя Шарлотта — производное от мужского имени Карл.) Так что по матери Карл Фаберже — швед. (Юнгштедты в некотором родстве с семейством, из которого много позже вышел известный шведский дипломат Рауль Валленберг. 1842 год — год организации фирмы Фаберже в Петербурге — знаменателен еще и тем, что в этом году прибыл в Петербург из Швеции отец Альфреда Нобеля, будущего учредителя Нобелевских премий. Альфред Нобель был на 13 лет старше Карла Фаберже и учился в Анненшупе, где в 1857-59 годах учился и Карл Фаберже. Можно еще вспомнить, что дед Марии Александровны Ульяновой матери В.И.Ленина, тоже был шведом и ювелиром. Конечно, такой подбор фактов можно назвать и подтасовыванием, но, возможно, что-то и стоит за этим.)

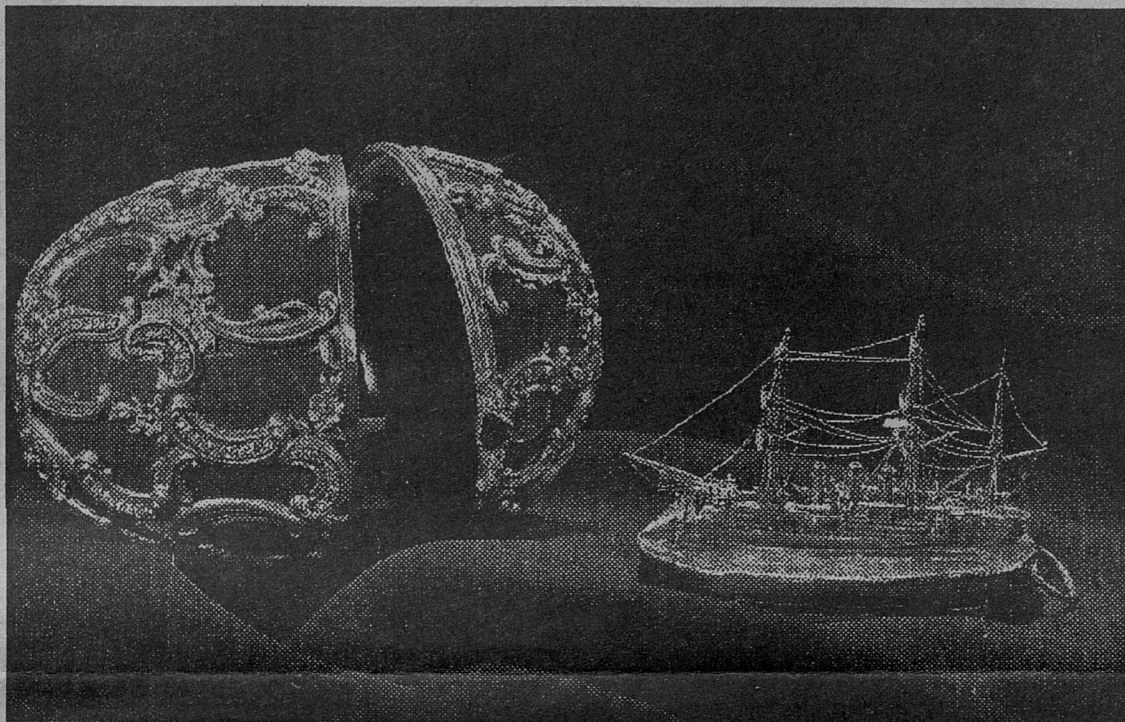
Нам неизвестно, знал ли кто-либо о теории Вернадского и Чижевского писатель Дм. Мережковский, когда в 1930-х годах писал свою книгу о Кальвине.

Министр ювелирного искусства

Но уже Мережковский отметил, что Кальвин родился в необычном месте — в Пикардии. "Существуют вулканические страны, где тоньше земная кора, к под-

но упомянуть незаурядного художника швейцарца Франца Петровича Бирбаума, главного мастера фирмы с 1893 по 1918 год, патриота русского ювелир-

работников, но уже в 1896 году здесь работало около 500 человек — к началу века это была, пожалуй, крупнейшая ювелирная фирма мира.)

Яйцо с моделью яхты «Штандарт». Г.Вигстрем. Петербург. 1909 год. Золото, бриллианты, жемчуг, лазурит, хрусталь. Государственные музеи Московского Кремля.

земному огню ближе, и где землетрясения, извержения вулканов так же постоянны, как в живом теле дыхание или биение сердца. В смысле духовном, Пикардия — одна из таких вулканических стран". Далее он отмечает знаменитых людей, родившихся в Пикардии: Петр Пустынный, поднявший почти все народы христианского мира в первый крестовый поход; Жак Феррэ, вождь великого крестьянского восстания "Жакерии"; Камилль Демулен и Гракх Бабеф — вожди великой Французской революции. Но величайший из пикардийских мятежников — Кальвин. ("Кальвин" — от латинского "лысый"; Густав Фаберже, Карл Фаберже и его дети также были лысые.)

Таким образом, можно утверждать, что Пикардия подверглась "космическому удару", что способствовало появлению в этой местности людей с повышенной пассионарностью. Такими были и гугеноты-скитальцы Европы — Фаберже.

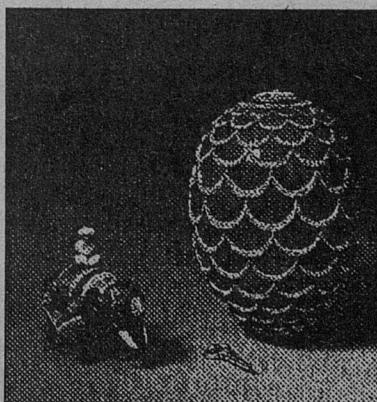
УМЕНИЕ БЫТЬ И УМЕНИЕ СТАТЬ

Карл Фаберже был, безусловно, харизматической личностью, в ювелирном деле — выдающийся организатор производства, умеющий привлекать к себе людей, причем не простых исполнителей, а самых первоклассных художников и мастеров (среди отмеченных академическими и профессорскими званиями мож-

ного искусства. Именно Ф.П.Бирбаум скомпоновал более половины императорских пасхальных яиц, выполненных фирмой).

ПЕРВАЯ СКРИПКА

Сам Карл Фаберже считал себя художником-композитором. Но, кроме того, Карл Густавович получил и коммерческое образование — в школе Шлюсса, во Франции. Все это, а именно: счастливое сочетание гениального художника и талантливого коммерсанта —

Яйцо «Шлишка». М.Перхин. Петербург, 1899—1900 год. Золото, серебро, эмаль, бриллианты, слоновая кость. Место хранения неизвестно.

безусловно, помогло фирме, которую К.Фаберже возглавил в 1872 году, в возрасте 26 лет, пробиться на первые позиции в условиях серьезной конкуренции на российском ювелирном рынке. (Еще в 1882 году фирма насчитывала 25

Представляется важным и такой факт — изучая фамилии восприимчивых сыновей Карла Густавовича, я обнаружил, что это главным образом купеческое окружение — а значит, наличие и тесные личные контакты с деловыми кругами Москвы и Петербурга.

КАРЛ И СЫНОВЬЯ

Отличительной особенностью фирмы Фаберже была семейственность предприятия не только в плане участия сыновей Карла Густавовича в организации производства (сыновья Фаберже руководили отделениями фирмы в Москве, Хельсинки и Лондоне. Старший — Евгений — вместе с отцом возглавлял Петербургское отделение). Все сыновья Фаберже были художниками (может быть в меньшей степени Агафон, который, главным образом, выполнял роль геммолога — специалиста по драгоценным камням, и не только в фирме отца — Агафон был экспертом бриллиантовой комнаты Зимнего дворца и Судной казны — ломбарда. К слову, и Агафон — личность во многих отношениях незаурядная: выдающийся филателист, он был владельцем самой большой в мире коллекции русских земских марок, а также финских, польских и российских). Но самое удивительное — то, что поражало биографа Карла Фаберже, руководителя Лондонского отделения фирмы, Чарльза Бейнбриджа — дружес-

кая атмосфера творческой работы. "Разве это возможно у нас, в Англии, чтобы клерк обращается к хозяину фирмы по имени-отчеству? Между тем, к Фаберже в кабинет заходит художник и говорит: "Карл Густавович, вот принес еще один проект".

Любимым цветом Карла Фаберже был зеленый — наверно, потому, что он родился в мае. Как и у Пушкина, любимым камнем был изумруд — камень художников и поэтов.

СТИЛЬ ФАБЕРЖЕ

Устав от скитаний, семья Фаберже прочно осела в Петербурге, и именно в Петербурге с детских лет Карл Фаберже впитал в себя достоинства русской национальной культуры. Знакомство с русской и европейской культурой (к слову — все Фаберже отличались знанием многих языков) позволило Карлу Фаберже выработать свой стиль, который теперь называют "стилем Фаберже" в ювелирном искусстве. Оставим искусствоведам возможность интерпретации понятия "стиль Фаберже" — каждый понимает его по-своему. Кстати, по этому поводу мастер фирмы Фаберже Ф.П.Бирбаум в 1919 году отмечал, что "гораздо легче выучить стили и эпохи, но сложнее овладеть секретами ювелирного мастерства".

Одна из особенностей фирмы — это интернационализм ее служащих и работников. Можно даже говорить о космополитизме, если бы не было одной — единой, объединяющей — русской идеи. Среди художников и мастеров фирмы мы видим русских, остзейских немцев, латышей, финнов, шведов, эстонцев, евреев, итальянцев, англичан, французов, швейцарцев. И для большинства из них Россия была настоящей Родиной. Так, руководитель московского магазина фирмы, "московский итальянец" Андрей Карлович Маркетти в 1919 году пишет Евгению Фаберже, старшему сыну Карла Густавовича: "Как там поживает Россия-матушка?" Именно "матушкой" была Россия для большинства из них.

Фаберже на высшем мировом уровне представлял ювелирное искусство России в период ее "серебряного века". Но было бы неверно видеть Фаберже ювелиром-одиночкой, противостоительно появившимся на российской почве. Нет, феномен Фаберже естественно вырастает именно в России, в процессе серьезной конкуренции с другими не менее известными фирмами придворных ювелиров (а это и Болин, и Хлебников, и Овчинников, и многие другие).

Неоднократные "набеги" в 1900-х годах в Петербург французской фирмы Картье окончились безрезультатно. Фирма не смогла закрепиться в Петербурге, что ей удалось в других европейских столицах. Виной тому была фирма Фаберже, которая не "пожелала поделиться клиентурой". И только революция 1917 года, уничтожившая Фаберже, позволила фирме Картье, американской фирме Тиффани выйти на первые позиции в мире. А Фаберже ушел непобежденным (но честного творческого соревнования не было — фирму просто "изъяли из обращения").

(Окончание на стр. 10)

Конструктивистский символизм Николая Зверева, или Полет шмеля над Петербургом

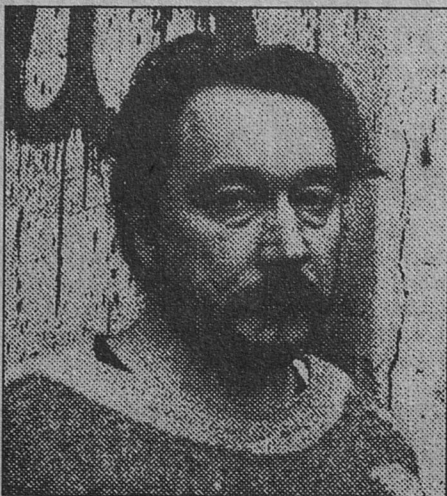
...Один ученый как-то доказал, что по каким-то там аэродинамическим условиям шмель...летать не должен. Пчела может, комар тоже, даже козявочка безымянная и та туда же, а ШМЕЛЬ — нет. И все-таки он летает, вопреки всем законам физики.

Я не хочу сказать, что Николай Зверев не похож на художника Николая Зверева, но если бы я его увидел впервые, то подумал бы, что передо мной драматический актер хорошего провинциального театра. Этаким Несчастливцев, или уже немолодой Незнамов. Но речь сегодня именно о петербургском художнике Николае Звереве. Уверен, что в портретной галерее современных художников, оставивших заметный след в искусстве, будет и его имя. Сам художник претендует на большее — на такое понятие, как "школа Зверева", но это уже покажет время.

Я не случайно начал с парадокса. Неизвестно, что было бы с "питерским Гаврошем" (хотя и родился на Вологодчине) "Колькой Зверев", если бы в 16 лет он не упал с мотоцикла и с переломанным позвонком не очутился в больнице на три месяца. Именно тогда он и стал осмысленно рисовать. После СХШ при Академии художеств, где его учили на архитектора, пройдет еще какое-то время, прежде чем станет окончательно ясно, что это не тот путь. Но везде и всегда он шел честно и до конца, даже на самых крутых поворотах жизни.

Не знаю, что делает художников художниками, но уверен в одном: время середины 1970-х годов формировало в первую очередь художников. Как будто именно через образ желало запечатлеть для потомков свой облик. И уже потом только было слово, по крайней мере, у нас в Питере.

До определенного момента он — либо не хотел летать, либо не умел. Во всяком случае до "сайгоновского счета" жил принципом, что художник выставляться не должен. С начала 1977

года им была сделана попытка оторваться от земли и преодолеть весомую гирю земного тяготения нашей "обломовской действительности". И...взлетел. Вот почему я пишу именно о полете шмеля, который по всем законам аэродинамики летать не должен бы.

2 июня 1978 года должна была состояться выставка двадцати шести художников в недействовавшей тогда Кирилло-Мефодиевской церкви на Мытнинской улице. Однако наутро все собранное и развешенное было выброшено на улицу правоохранительными органами. Ребята не растерялись и устроились с показом своих работ тут же в скверике. Вечером все поднялись к Бобу Кошелухову, жившему по соседству, и бурно отметили "питерское Измайлово". Потом были три "пляжные выставки" в Солнечном и Курорте и во множестве квартирные вернисажи. В 1980 году Дворец Молодежи открыл "Олимпийскую выставку", где наряду с членами СХ впервые выставились и "левые", в числе которых был и Зверев. Также он являлся

непременным участником всех выставок образованного в 1981 году Товарищества экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ). С 1989 года его работы узнал Запад, где ему пришлось не раз побывать и самому.

Так что же изображает Зверев? На мой взгляд, очень точно определила его манеру живописи искусствовед Людмила Фляш, назвав ее "конструктивистский символизм". Действительно, в поисках выражения формы он как бы моделирует, конструирует образ, доводя его до неконкретного, но вполне логичного завершения. И цвет komponует не по законам жанра, а больше интуитивно, сводя его к гармоничному слиянию с формой. Кажущийся формальным подход не есть формализм как таковой, он как бы носит характер условной субстанции и приближается не к обычной конфигуративности, а скорее к знаку, к символу. Названия же работ дают ключ к расшифровке изображенного (например, "Женщины в треугольнике").

Основная и наиболее любимая тема художника — портреты современников, где, несмотря на явную реалистическую манеру, исподволь продолжается эксперимент конструктивистского символизма. Беря за основу натуру портретируемого, художник через внешнюю похожесть находит суть образа и точно угадывает характер. Скажу больше: снимает маски. Может быть поэтому портреты близки к шаржу, но не как к жанру художника-карикатуриста, а опять же к стилю именно художника Николая Зверева, который в данном случае я бы назвал реалистическим субъективизмом. Художник не называет портрет именем того, с кого он написан, а характеризует словом, проще говоря, обзывает по-своему, дает кличку, называет "своим именем": "Артист", "Пацкист", "Фотограф", "Хозяйка", "Командант", "Мытарь", "Вещунья", "Философ", "Кулец"... Свое творческое кредо — "видеть за лицом" — он выразил еще в 1974 году и не изменяет ему до днесь.

Иногда, как самый настоящий шмель, собирающий нектар с цветов, он пишет натюрморты: цикламены, нарциссы, лилии; очень эстетичные по рисунку, они несут явный элемент декоративности стиля модерн.

Истинное же ощущение полета я чувствую в его многочисленных композициях — небольших листах, разукрашенных акварелью. И особенно в композициях из серии "ТАИЗДм", что расшифровывается, как "Таинственные изгибы души". Задуманная в 1991 году, она продолжает и сегодня, поражая своей оригинальностью мышления и бесконечностью неповторяющихся вариаций формы и цвета.

Виктор ЗЕМСКИЙ

(Окончание. Начало на стр. 9)

СЕКРЕТЫ ФИРМЫ ФАБЕРЖЕ

Так в чем же загадка успеха фирмы К.Г.Фаберже?

Попробуем вернуться к понятию "стиль Фаберже". По-моему, оно может быть определено формулой "историзм плюс оригинальность, неповторимость изделий этой фирмы" (французские гены ювелиров могут объяснить появление изделий а la Людовик XIV, XV или XVI, а осознание причастности к русской национальной культуре определило русский и неорусский стиль ювелирных шедевров, от повторения киевских изделий до современных стилизаций. Мастера Фаберже восстановили технику русской прозрачной эмали, секрет которой долго оставался нераскрытым.)

Второе. Карл Фаберже ввел в оборот недорогие поделочные камни (и не без выгоды: терять в норме прибыли, фирма все-таки выигрывала в массе прибыли). Главное, что при этом изделия стоились в 5 рублей обрабатывали столь же тщательно, как и столичные авторские образцы. Фаберже не игнорировали качество даже в так называемых копеечных изделиях. (Кстати, рабочий ювелирной мастерской Фаберже на дневную заработную плату мог купить, например, каменную собачку Фаберже. Средняя зарплата ювелиров по стране была в 2-3 раза ниже, но и при

Министр ювелирного искусства

этом изделия фирмы не были для них непозволительной роскошью. Наиболее высокооплачиваемыми были всегда типографские рабочие — они да квалифицированные ремесленники и интеллигенция были потенциальными покупателями изделий Фаберже.)

Третье. Успех фирмы определяла и правильная ассортиментная политика, и обращение к новым неразработанным темам (например, тема сюрприза в пасхальном яйце), и нетрадиционные материалы — а это, главным образом, работа с камнем.

Все, к чему прикасались Фаберже, становилось произведением искусства — это еще одна неотъемлемая особенность их стиля. (В Эрмитаже хранится серебряный аршин Александра II, выполненный Карлом Фаберже — вот уж истинное и прикладное, и искусство!)

Фаберже чутко следили за конъюнктурой рынка, быстро выявляя новый класс потребителей (например, в начале века, обслуживая своими свиньями, диковинными обезьянами и слонами моду на мешанско-немецкий интерьер). Кстати, все звери Фаберже были добрые и смешные, что тоже служило во славу фирме

(анималист Обер — автор лошади в памятнике Богдану Хмельницкому в Киеве, двуглавых орлов на фасадах многих петербургских зданий — своих животных мог делать любимыми, но для Карла Фаберже — только забавными и только добрыми — таково было условие главы фирмы).

Наступили тяжелые годы для развития ювелирного искусства и промышленности. Первым ударом советской власти был так называемый "декрет о золоте" от января 1918 года, согласно которому ювелирам разрешалось работать только с низкопробным золотом 36 пробы, и у потребителя ограничивалось количество предметов из драгоценных металлов и камней. Например, за разрешением на изготовление обручального кольца надо было обращаться к городским властям. В 20-х годах комсомольская ячейка могла запросто потребовать от комсомолки сдать обручальное кольцо. Ювелиры преследовались наравне с графами и князьями. Их брали заложниками и требовали показать, где хранится золото: почему-то власть предержащие считали, что "раз ювелир, то у тебя должно быть золото", хотя главное богатство ювелира — это его золотые руки

а золото для него такой же металл, как для токаря сталь или чугун.

Но петербургские магазины Фаберже работали до 19 января 1919 года. И, как вспоминает Врангель, торговля процветала. Основными покупателями изделий Фаберже стали цвет и краса революции — революционные матросы. На вопрос Врангеля, как дела, Карл Густавович бодро ответил: "Здорово!" — и описал колоритную сценку. В магазин на Большой Морской входит матрос со своей мамзель-горничной с чернубурой горжеткой на плечах и требует подобрать им что-нибудь, вываливая на прилавок мешок с деньгами. Растерянный продавец достает витрины кольцо — Юсупова отказалась, дорого — 60 тысяч.

Отряд ювелиров за годы советской власти оказался выбитым.

ЭТО НЕ КИТЧ

Творчество Фаберже не изучалось, более того, всячески хулилось. Его называли эклектичным, мешанским. Фаберже отождествляли с "китчем". Последнее несправедливо, хотя бы потому, что именно Фаберже от-

личает богатейшее разнообразие предметов утилитарно-бытового назначения в ювелирном исполнении, а в понятие "китч" (см. БСЭ) входит массовое тиражирование музейных предметов. А Фаберже всегда изобретал что-то новое и нес радость в каждый дом. Не случайно во времена Фаберже в Петербурге была решена "проблема подарка". Если вы в последнюю секунду вспомнили, что надо ехать к кому-то с подарком, поезжайте на Большую Морскую, 24, и у Фаберже вы приобретете подарок пеною от рубля до ста тысяч рублей, и, поверьте, ваш подарок будет самым желанным и удачным.

Карл Фаберже понимал значение своего дела, уважал в себе мастера и художника и требовал такого же уважения от сильных мира сего. "Он был хорошим психологом", — отмечает внук Карла Густавовича Олег Агафонович Фаберже, выдающийся филателист, проживающий сейчас в Хельсинки. Вообще ювелир, по мнению Олега Агафоновича, должен быть хорошим психологом.

Болгарский царь, наградивший Фаберже орденом, восхищенный умом Карла Фаберже, сказал как-то ему, что Фаберже вполне мог бы быть министром в правительстве. На что Карл Фаберже незамедлительно отвечал: "Согласен, но только министром ювелирного искусства".

Валентин СКУРЛОВ

Аргентина по праву считается самой футбольной страной на Латиноамериканском континенте. Благодаря благоприятному климату, множеству парков и отсутствию материальных проблем, всегда связанных с затратами на спортивную амуницию (необходимо-то всего лишь мяч и четыре камня, чтобы обозначить ворота!), аргентинцы от мала до велика постоянно гоняют мяч. По субботам и воскресеньям вся мало-мальски подходящая территория превращается в футбольное поле. Для игры не нужно особого умения — лишь желание, в котором никто не испытывает недостатка.

У работников каждого канала ТВ имеется своя команда, и в конце недели ведущий той или иной программы сообщает о месте и времени игры и приглашает всех желающих принять участие.

Нет ни одной семьи, которой был бы безразличен футбол. Посещение всех матчей своего любимого клуба здесь — дело чести. И невозможно представить себе, что кто-нибудь начнет хвалить игру соперников — это предательство.

Футбол здесь воистину и национальный вид спорта, и национальное бедствие. Во время матча все свободное пространство вокруг стадиона превращается в огромную автостоянку, а те, кто опаздывают и уже не находят место, чтобы припарковать машину, оставляют ее прямо посреди дороги и бегут смотреть матч, поэтому

полиция заблаговременно оцепляет несколько кварталов вокруг стадиона и перекрывает движение во избежание аварий.

В прошлом году мне довелось провести несколько месяцев в Латинской Америке. Больше всего меня поразило отношение аргентинцев к футболу.

Народ здесь очень эмоциональный, сильно переживаю-

"портеньяс" он был и остается лучшим в мире.

Футбол ни одного не оставляет равнодушным. Когда Аргентина проиграла на последнем чемпионате мира..., то президент страны выступил по этому поводу и со слезами обиды на глазах винил судью матча во всех смертных грехах.

Я с интересом наблюдал, как "болеют" аргентинцы, как поддерживают свою команду. По-

флаги вывешивают на трибунах с гордостью, как военные трофеи. Две трибуны на стадионе, находящиеся над воротами, отданы целиком этим группам. Соответственно, находясь друг против друга, разделенные полем, "инчады" распевает специально придуманные куплеты в поддержку своей команды и обидные, относящиеся к противоборствующему клубу. В каждой группе существует 2-3

обязательно сообщают, какие куплеты распевали на трибуне и что выкрикивали в адрес судей, игроков и владельцев клубов. "Инчады" — создатели общественного мнения, поэтому хозяевам клубов выгодно дружить с шефами этих групп. Так, шефы получают бесплатные билеты на матчи своего клуба для всех членов группы поддержки и бесплатные талоны на стаканчик "кока-колы" и сандвич. Эти талоны справедливо распределяются между отличившимися и самыми верными. Мне, как гостю, всегда выдавали такой талончик в качестве знака внимания. И часто после матча, жуя сандвич в толпе разгоряченных, уставших, но исполнивших свой долг болельщиков, я чувствовал, что тоже являюсь частью огромной толпы разных, абсолютно чужих и в то же время родных мне людей. Всех нас роднит какое-то совершенно особенное братство, братство почти собачьей преданности и любви к своему клубу. (И тем вкуснее сандвич, потому что это, как маленькая награда за честно выполненное дело и за преданность своей команде.)

В такие мгновения каждый чувствовал себя приобщенным к чему-то сокровенному и большому, к чему-то национальному, так как отношение к футболу — одна из немаловажных черт национального характера.

Аркадий НИКИТИН,
студент исторического факультета

МЯЧИ И "ОРАЛЬ"

щий проигрыш любимой команды, а уж когда проигрывает сборная — настоящий траур. Встречая сборную, когда она возвращается с чемпионатов и кубков, весь Буэнос-Айрес с цветами, огромными многометровыми транспарантами, национальными флагами и флагами клубов выстраивается на всем протяжении дороги из международного аэропорта в центр города.

Настоящим идолом страны является Диего Марадона, бывший спортивный посол Аргентины в Италии, назначенный президентом Менемом. И несмотря на нашу вину историю с перевозкой и употреблением кокаина, Марадоне прощают все. В глазах простых

трясающее зрелище — огромный бурлящий стадион... Человеку непосвященному все происходящее на трибунах может показаться явлением хаотичным, основанным на одних эмоциях. Ничуть не бывало. Однажды мои друзья, болельщики одного из столичных клубов "River", пригласили меня на матч, пообещав показать скрытую сторону футбольных эмоций. Оказывается, существуют хорошо организованные группы поддержки каждой команды. Называется такая группа "Инчада брава". Ребята, входящие в группу, действительно brave, прошедшие огонь, воду и медные трубы всех футбольных баталий, отбившие флаги у болельщиков других клубов. Эти

шефа. Во время матча один из них стоит на самом верху трибуны, видимый всем, и, как дирижер огромного оркестра, руководит всем "хаосом". Причем все беспрекословно подчиняются малейшему его жесту и каждому слову. Эти люди сочиняют куплеты, решают, стоит ли вступать в бой с противником, заготавливают огромные 70-90-метровые флаги с цветами своего клуба и спускают их с самого верха до кромки поля. Готовят бомбы, хлопушки, листки нарезанной бумаги. И по команде "сверху" в определенные моменты матча все эти атрибуты приходят в действие.

"Инчады" занимают немаловажное место в местном футболе. После каждого матча газеты

Памяти Лидии Владимировны Флоринской

15 мая 1993 года скончалась сотрудница математико-механического факультета Лидия Владимировна Флоринская.

Окончив в 1959 году математико-механический факультет, Лидия Владимировна была принята в аспирантуру, а после нее начала работать ассистентом на кафедре математического анализа, с которой, в основном, была связана вся ее научная и преподавательская деятельность.

Лидия Владимировна была высококвалифицированным и талантливым преподавателем. Она является соавтором трех учебников по теории меры и интеграла, опубликованных издательством ЛГУ. В течение многих лет она вела практические занятия на математико-механическом факультете, руководила курсовыми и дипломными работами, читала основные и специальные курсы на экономическом факультете, факультете повышения математической квалификации инженеров, естественных факультетах университета.

Лидия Владимировна умела находить подход и устанавливать контакт со студентами в любой аудитории: с сильными и слабыми группами, со вчерашними школьниками и со слушателями ФПК. Бывало, что при защите дипломных работ студенты, для которых предмет Лидии Владимировны вовсе не был профилирующим, наряду со своими научными руководителями благодарили и Лидию Владимировну, помогавшую им сделать первые шаги в математике, своим ровным, доброжелательным отношением укреплявшую их веру в свои

силы, преподававшую пример преданности своему делу.

Доброжелательное отношение к товарищам, такт, житейский ум снижали Лидии Владимировне искреннее уважение коллег по кафедре и факультету. Исполняя в течение более чем 20 лет непростые обязанности секретаря кафедры математического анализа, Лидия Владимировна всегда была готова тактично и чутко оказать любую помощь, принять во внимание не только главные, но и, казалось бы, второстепенные интересы коллег, сплошь и рядом — за счет своих.

Доброе, мягкое отношение к людям вовсе не означало неопределенности жизненной позиции Лидии Владимировны. Ее нравственные критерии были совершенно четки и чрезвычайно высоки. В первую очередь Лидия Владимировна применяла эти критерии к самой себе.

Светлый образ Лидии Владимировны, талантливого, незаурядного человека, навсегда останется в сердцах и памяти всех, кому выпало счастье общаться с этой замечательной женщиной.

Коллеги и друзья

ПО ВУЗАМ

Из-за отсутствия средств на покупку новых книг библиотека Петрозаводского университета вынуждена была открыть киоск, в котором можно купить научную литературу и журналы. Таким путем библиотека получает прибыль и покупает новые учебники для занятий студентов и работы ученых.

Расширяя международное сотрудничество, Казанский университет подал заявку на участие в программе "Темпус", разработанной европейским сообществом для поддержки и адаптации систем высшего образования в странах посткоммунистической Европы.

Совместно с давними партнерами Казанского университета (университет Гессена (Германия), Лювена (Бельгия) и Гренады (Испания) подготовлены два проекта. Один — "Европейские языки в Казани" — направлен на улучшение обучения иностранным языкам в КазГУ; второй — на совершенствование университетского менеджмента. Поскольку экономическая, политическая и правовая ситуация в стране стремительно меняется, опыт других европейских вузов просто необходим — считает редакция этой газеты.

А в библиотеке Петрозаводского университета создается электронный каталог, что значительно расширит справочно-библиографический аппарат. Электронный каталог включает информацию о книгах и статьях из научных сборников по всем отраслям знаний и о статьях из журналов и продолжающихся общественно-политических, экономических и литературно-художественных изданий за 1992 и 1993 годы.

В ответ на заявки предприятий-производителей на математико-механическом факультете этого университета появилась но-

вая специальность: "математическое моделирование технических систем", вошедшая в состав специальностей "механика" и "прикладная математика".

Ежегодно в конце лета, в августе, Казанский университет проводит курсы русского языка. И в этом году 24 студента из Германии и Швейцарии в течение месяца овладели тонкостями русской разговорной речи, продирались сквозь дебри русской грамматики, познакомились с произведениями русских писателей, пели русские песни. Иностранцы узнали много нового о писателях, чья жизнь связана с Казанью.

Факультет переподготовки специалистов филиала МГУ организовал прием слушателей с высшим образованием по новым перспективным направлениям: социальная защита населения; отделение психологии, где готовят психологов-практиков для работы в фирмах, отделах кадров, учреждениях образования; юридическое отделение для подготовки работников в судах, прокуратуре, органах внутренних дел, в частных детективных фирмах и сыскных бюро; подготовка специалистов по специальности "финансы и кредит" для работы в коммерческих банках, страховых обществах и т.п.

В научной зональной библиотеке Ростовского университета введена платная услуга. Заплатив деньги, преподаватели и студенты могут пользоваться ксероксами, которые недавно получила библиотека. Теперь можно размножить пользующиеся спросом у читателей статьи из журналов, подборки к семинарским занятиям. Кроме того, ксероксы позволяют заменить ручное дублирование карточек для каталога, что значительно облегчает труд библиотекарей.

Факультет свободных профессий

выпуск 1

"газета в газете"
для интеллектуальных меньшинств

Кое-кто, конечно, знает, что телевизионным клубом "Что? Где? Когда?" ни сама Большая Игра, ни состав игроков не исчерпываются. Если кто-то и не знает, то, во всяком случае, слышал, что в самом сердце Петербурга, на канале Грибоедова, 92, в здании Гуманитарного центра общества "Знание" квартирует клуб петербургских знатоков "Коломна", объединяющий несколько команд Первой лиги Международной ассоциации клубов "Что? Где? Когда?". Ну, а если уж вы, так много зная и слыша, до сих пор не догадались, какое отношение имеет клуб "Коломна" к университету и почему вышеупомянутый клуб "Коломна" в своей ползучей экспансии добрался до страниц газеты "Санкт-Петербургский университет" и собирается там укорениться, придется сразу же объявить первый конкурс. Итак, конкурс № 1: "Люби и знай свой вуз"

Попробуйте ответить на три простых вопроса (в том, что они простые, я не сомневаюсь, поскольку всем нам по традиции полагается знать своих героев).

1. Сколько человек с вашего факультета состоит в клубе "Коломна"? (Если сомневаетесь в количестве, назовите их персонально)

2. На каком факультете больше всего игроков "Коломны"? (Я приветствую ваш патриотизм по отношению к родному факультету, но болельщики и члены семей не в счет)

3. Сколько же в "Коломне" универсантов и не справедливо ли, наконец, присвоить клубу статус факультета СПбУ №...?

А теперь, когда вы прониклись, мне остается только сообщить, что клуб "Коломна" при моем активном пособничестве намеревается осуществлять свой интеллектуальный террор (или, если хотите, обстрел) ежемесячно и в самых разных формах. Присоединяйтесь!

Член-корреспондент клуба "Коломна", действительный ведущий факультета свободных профессий

Игорь МАЛЬСКИЙ

Начинаем с представления

Знаете ли вы, что такое "Что? Где? Когда?" Нет, вы не знаете, что это такое. "Что? Где? Когда?", господа, это такая игра. В нее играют все, кто попал. Те же, кто не попал, играют в "Брейн-ринг". Но не об этом речь. О чем же речь, господа? Ну, естественно, о правилах.

Правила "Что? Где? Когда?" чрезвычайно просты. В игре участвуют шесть человек, которые притворяются, что знают ответы на все вопросы, и один человек, который притворяется, что не знает. Первые называются "знатоками", последний — "ведущим". Ведущий обычно располагается на некоторой возвышенности — например, Среднерусской — или в ближайшем отделении Сбербанка. Он должен обладать обширной эрудицией и даром чревоуважения.

Знатоки, в свою очередь, располагаются сбоку от игрового стола, делают умные лица и ждут, когда сбудется народная примета: "Не садися на бочок — придет серенький волчок". Дождавшись появления волчка, знатоки раскручивают его на несколько десятков тысяч. Волчок ничего не понимает и ржет. Для ответа на каждый вопрос знатоки имеют одну минуту, если у ведущего не остановится секундомер или запись. По поводу того, почему для ответа дается именно 60 секунд, а не, скажем, 600 или 58, существует строгое научное объяснение. Дело в том, что строго за 1 минуту сова — талисман игры — может повернуть свою голову на 360 градусов, а если ей помочь, то и на все 720.

Самое интересное, однако, начинается по окончании игры, когда в парах прямого эфира ведущий и знатоки пытаются бить друг друга рублем.

Но хватит пока об играх. Пора поговорить и о прекрасном. Знаете ли вы, что такое "Коломна"? Нет, вы не знаете, что это такое. "Коломна" — это не только исторический район Петербурга и город под Москвой. Это еще и клуб петербургских знатоков. Что такое "Коломна", спрашиваете вы? О, что такое "Коломна"!

Это — официальный дистрибьютер знаний на Средней Подъяческой улице, угол канала Грибоедова. Это — фонтан, который просто есть. Это — пять команд, известных в России и ближнем зарубежье. Это — всевозможные титулы всевозможных фестивалей и чемпионатов. Это — тычинка МАКа. Это — шестерка телевизионных знатоков, хоть и несколько суховатых. Это — клуб без вредных привычек. В "Коломне" никто не курит и... не дожидается! Не дожидается, чтобы эрудиты и знатоки литературы позволили кануть в Лету словам великого абиссинского поэта и его русской няньки! Сегодня вас приветствуют команды клуба "Коломна":

- шестерка Сергея Виватенко,
- шестерка Андрея Григорьева,
- шестерка Якова Песина,
- шестерка Григория Климовича

Двуглавая сова — символ клуба — гордо реет над Петербургом и совсем не похожа на вололаза, хотя и обладает четырьмя глазами. Наш боевой клич "Колом-на!" мешает спокойно спать владельцам свечных заводиков. Но не для них играем мы, сломя голову, во всякие интеллектуальные игры. Наш кумир — то неуловимое существо, которое в России называют Удовольствием, а англичане кличут лордом Кайфом. Наша цель — благородного металла медаль, на коей начертано: "Честь, слава, польза". Две стороны этой медали — чистый разум и здоровый юмор. Вот почему в сегодняшнем выпуске "ФСР" вы найдете и пишу для ума, и смех — для души. Итак, кушать полано! Можете смеяться.

Газетную площадь занимал пресс-секретарь клуба "Коломна" Евгений МАЧНЕВ

Сыграем в наши игры

Что это за птица?

Речь вообще-то не о птице, а о тех качествах, которые необходимы знатоку. Спор об этом идет не менее жестокий, чем знаменитая дискуссия о курице и яйце. Некоторые утверждают, что прежде всего знаток должен много и глубоко знать. Другие, и в том числе "Коломна", полагают, что главное — весело и умело соображать. Причем по ряду параметров "Что? Где? Когда?" стоит на порядок выше известного "соображения на троих" — в шестерке-то нас вдвое больше.

Поэтому мы предлагаем проверить не только ваши знания, но и смекалку, находчивость и сообразительность, и для разминки ответить на пару-тройку простых вопросов. Вот этих:

1. На каком языке ругательство отличается от приветствия лишь одной буквой?
2. Чьим гражданином является существо с синей головой, желтыми руками и красными ногами?
3. Назовите самое известное произведение некоего Ивана Дмитриевича Иванова, родившегося в 1887 г. в городе Шадринске.
4. Как во французской и прусской армиях XVIII-начала XIX веков можно было отличить маркитантов и поставщиков овса и сена?
5. Что возникло в 1807 г. во Франции по приказу Наполеона, а в Донбассе в 1942 г. — стихийно?
6. В какой игре участвуют одновременно лопаты, сердца, дубинки и бриллианты?
7. Назовите простейшее транспортное средство с 8 колесами и для одного человека.
8. Некто Ури Фуллер утверждал, что перед началом любого баскетбольного матча может угадать его счет. Как ему это удается?
9. Какой советский самолет был назван конструкторами хоть и красиво, но неправильно?
10. И, наконец, о птичках. Что это за птица: живет в Баварии, яич не несет, но из них выводится?

ОТВЕТЫ:

1. "А" — это буква, которая отличает ругательство от приветствия.
2. "Синий человек" — существо, которое встречается в сказках.
3. "Синяя голова" — произведение Ивана Дмитриевича Иванова.
4. "Синяя голова" — существо, которое встречается в сказках.
5. "Синяя голова" — произведение Ивана Дмитриевича Иванова.
6. "Синяя голова" — существо, которое встречается в сказках.
7. "Синяя голова" — произведение Ивана Дмитриевича Иванова.
8. "Синяя голова" — существо, которое встречается в сказках.
9. "Синяя голова" — существо, которое встречается в сказках.
10. "Синяя голова" — существо, которое встречается в сказках.

Травести

Ничего предосудительного: это игра с передеваниями. Правила просты: берем отрывок из всем известного произведения литературы и подставляем вместо настоящих имен героев другие, вместо реальных обстоятельств — вымышленные. Нужно угадать, откуда взят отрывок и кто (что) скрывается под псевдонимами? Исследователи утверждают, что тот, кто наостритесь разгадывать задачки с заменой, никогда не будет обманут собственным супругом. Можете проверить на себе...

"Тут Остап Бендер вытаскивал голову из стула и задумался. Он подумал так: "Не может быть, чтобы там совсем-совсем ничего не было! Что-то там все-таки есть!"

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие стула и сказал:
— Слушай, Киса, а это не ты?
— Нет, не я! — сказал Киса.
— А разве это не твоя работа?
— По-моему, нет, — сказал Киса. — По-моему, она совсем не похожа на мою! И не должна быть похожа!
— Вот как? — сказал Остап.
Он снова вытаскивал голову наружу и еще раз задумался.

(Ответ в следующем выпуске)

"Эрудит-лото"...

...это не просто, а очень просто: из четырех вариантов ответов один — правильный. Делайте ваши ставки, господа!

1. У Екатерины II есть "Сказка о царевиче...":
а) Хлоре в) Боре
б) Фторе г) Броне
2. В разговоре на Патриарших прудах собеседники не упоминали:
а) философа Канта,
б) поэта Шиллера,
в) композитора Штрауса,
г) чернокнижника Герберта Аврилакского.
3. Неподвижная деталь автомобиля называется:
а) картер в) буш
б) рейган г) клинтон
4. На карте мира нельзя встретить:
а) Дурака в) Кретина
б) Дуру г) Дебила
5. Тампоны "Тампакс" являются ровесниками:
а) века,
б) революции,
в) сталинских репрессий,
г) перестройки.

6. "Тихий Дон" и "Поднятая целина" были написаны:
а) Лениным,
б) Дзержинским,
в) Сталиным,
г) Брежневым.
7. Зензубель — это:
а) сверло для бормашин фирмы "Даймлер-Бенц",
б) марокканский самогонный аппарат,
в) рубанок для изготовления фальцев,
г) денежная единица Занзибара.
8. Чеснок не используется для:
а) изготовления женских духов,
б) хранения пищевых запасов,
в) приманивания вампиров,
г) приготовления ирландского рагу.

(Ответы в следующем выпуске)

И вначале он промолчит... То есть, простите, а напоследок я скажу: если вы до сих пор не решились поломать голову над нашими задачками или не удовлетворены своими результатами, значит вас отвлекает другая половина рода человеческого или учебный процесс. В первом случае прочтите предисловие к заданию "Травести", во втором — хорошенько выспитесь.

Выпуск подготовил
Игорь МАЛЬСКИЙ
при мощной интеллектуальной поддержке клуба "Коломна"

Санкт-Петербургский УНИВЕРСИТЕТ

Издатель: Санкт-Петербургский Государственный Университет
Адрес: Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9, Ректорский флигель
Телефон: 218-94-96

Главный редактор: Наталья Кузнецова
Выпускающий редактор: Сергей Лобачев

Отпечатано в ГТК СПб, Фонтанка, 59
Подписано в печать: 29.10.1993
Заказ 82. Тираж 2000 экз.